

Арсений Тарковский

ЗВЕЗДЫ
НАД
АРАГАЦЕМ

• ЗВЕЗДЫ НАД АРАГАЦЕМ •

Арсений Тарковский

ЗВЕЗДЫ
НАД
АРАГАЦЕМ

СТИХИ
И
ПЕРЕВОДЫ

ЕРЕВАН
«СОВЕТАКАН ГРОХ»
1988

ББК 84Р7
Т 199

Предисловие А. ИСТОГИНОЙ

Тарковский А.

Т 199 Звезды над Арагацем: Переводы и стихи/Арсений Тарковский; Предисл. А. Истогиной. — Ер.: Совет. прох, 1988. — 236 с.

В сборник талантливого современного русского поэта и переводчика Арсения Тарковского вошли его переводы из армянской поэзии и стихи поэта.

Т 4702010000 107.88
705(01) 88

ББК 84Р7

ISBN 5—550—00114—4

© Издательство «Советакан грох»,
предисловие, 1988

ПУТЕМ СТИХА, ПУТЕМ ЛЮБВИ

Армянская культура — одна из самых древних и прекрасных на территории нашей страны. Встреча с Арменией произвела в свое время огромное впечатление на А. С. Пушкина. Вот как он писал об этом в «Путешествии в Арзрум»: «...Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. — Что за гора? — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждою обновления и жизни...»¹

Ярко и глубоко сказал об этой удивительной земле и ее людях О. Мандельштам («Путешествие в Армению»).

История взаимообогащающих контактов русской и армянской литературы исчисляется почти двумя столетиями. Армянских поэтов открывали русскому читателю А. Блок и В. Брюсов, Ю. Верховский и С. Шервинский, В. Звягинцева, М. Петровых и другие за-

---

¹ А. С. Пушкин ошибся: это был не Арарат, а гора Арагац. (См. примеч. Д. Благого в пятом томе Собр. соч. А. С. Пушкина. М., 1969, с. 522). — Примеч. редактора.

мечательные мастера. Самый свежий пример сотворчества — переводы О. Чухонцева и А. Марченко.

В книге «Небо над Арагацем» собраны стихи армянских поэтов в переводах известного русского поэта Арсения Тарковского и его собственные стихи. Тарковский уже долгие годы — признанный мастер стихотворного перевода. Он первым перевел на европейский язык арабского поэта XI века Абу-ль-Ала аль-Маарри. Благодаря его переводам русские читатели узнали Махтумгули, Кемине, Туманяна, многих армянских и грузинских лириков и — в вольном его переложении — каркалпакский эпос «Сорок девушек». Тарковский — лауреат нескольких национальных премий, и вклад его в сокровищницу переводческого искусства трудно переоценить.

Армянские переводы Тарковского следует отнести к образцовым. Безупречное чувство стиля позволяет ему даже в присущих восточной поэтике устойчивых образах, традиционных метафорах уловить их индивидуальную окраску, воссоздать неповторимый поэтический мир. Так, любовная лирика Саят-Новы исполнена неги и нежности, сдержанного темперамента («Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов»), тогда как Егише Чаренц броско романтичен и откровенно социален, томим печальными предчувствиями и величаво спокоен:

И для меня прервется путь земной,
Когда-нибудь глаза и мне закроют,
Забудут песни, сложенные мной,
И в землю плодотворную зарюют...

И каждая простится мне вина,
И я сольюсь, растаяв легким дымом,
С преданием, как наши времена,
Величественным и неповторимым.

В самих именах героев трагической поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ» звучит музыка стиха, однако «Стон их страдальческой любви мне в грудь стрелой проник, И замутила соль их слез моих стихов родник» — признается автор, Ованес Шираз, а с ним и переводчик, перенесший «соль их слез» в родник русской речи. А родник, согласно армянским поверьям, — символ благодарной памяти...

У поэтов одной земли соприкасаются, условно говоря, «корни», а «кроны» могут быть очень разными. Чуткий читатель отметит мастерское воссоздание эпически важного и вместе с тем взволно-

ванного слога Ованеса Туманяна, самозабвенных монологов Амо Сагияна, обращенных к природе.

Сам Тарковский не раз и подолгу жил в Армении и даже, невзирая на военную травму, поднимался на вершину Арагаца.

Все переводы выполнены Тарковским с величайшей тщательностью, пронизательно и проникновенно, но главное, чем они подкупают, — это пластика перевоплощения, талант самоотдачи, позволивший сохранить своеобразие каждого голоса.

Нетрудно догадаться, что чем самобытнее поэт, тем мучительнее ему отрешиться от себя, бесследно раствориться в оригинале. Читатели Армении имеют возможность по-новому оценить переводческий подвиг Тарковского, познакомившись с его собственным творчеством, в котором напряженная духовность русского стиха и метафоричность, искони присущая восточной поэзии, достигли глубокого и выразительного взаимопроникновения.

О нет, я не город с кремлем над рекой,
Я разве что герб городской.

Не герб городской, а звезда над щитком
На этом гербе городском.

Не гостя небесная в черни воды,
Я разве что нмя звезды.

Не голос, не платье на том берегу,
Я только светиться могу...

(«Книга травы»)

Непредвзятое внимание отметит здесь не орнаментальность и внешнее убранство, а прежде всего страсть к смысловой насыщенности, ту «тесноту стихового ряда», о которой некогда писал Ю. Н. Тынянов. Слово Тарковского — изначально и по преимуществу стиховое, то есть ассоциативное, многозначное, склонное и способное к самым неожиданным и непредсказуемым сцеплениям. Это — не для полусонного ума и воображения, но и не для избранных.

Мировая культура, к которой «апеллируют» многие стихи автора «Коры» и «Титании», «Мицения Ахилла» и «Эребуни», стала достоянием всех. А для него самого это поистине «второе мироздание», полное жизни, движения, обновления, и вместе с тем вечное. Как вечна, едина и неделима сердцевина самой жизни во все века и эпохи.

Тарковский с изумляющей естественностью погружен в недра культуры, как в каждодневную жизнь, и смело оперирует отдаленными во времени реалиями, убежденный в духовной и интеллектуальной отзывчивости читателя, который весьма искушен и скорее уж «простого» не поймет, чем отвернется от «сложного».

На каждый звук есть эхо на земле.
У пастухов кипел кулеш в котле,
Почесывались овцы рядом с нами
И черными стучали башмачками.
Что деньги мне? Что мне почет и честь
В степи вечерней без конца и края?
С Овидием хочу я брынзу есть
И горевать на берегу Дуная... —

(«Степная дудка»)

говорит поэт.

А уж коли с Овидием, то непременно и с Пушкиным, а значит, и с Пестелем... Одна вселенная за другой предстают быстрому нашему воображению.

Для Тарковского явление искусства конгениально историческому событию, а может быть, в чем-то существенном и превосходит его. Он пишет (и переводит) стихи об ушедших поэтах, художниках, музыкантах как об эпохах в своей и не только своей жизни.

Данте, Гомер и Пушкин, вчера вы засеяли поле.
Вам же принадлежит жатва грядущего дня.

(Е. Чаренц. «Дистихи»)

Комитас, Пауль Клее, Анжело Секки, Ван Гог, Жанна Д'Арк...
Это ведь как бы сгустки бытия, его лучших сил и возможностей.

Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!
Пусть коронован твой король, — какая
Заслуга в том? Шумит волшебный дуб,
И что-то голос говорит, а ты
Огнем горишь в рубахе не по росту.

(«Дерево Жанны»)

Талант Тарковского глубоко человечен. Он неизменно предпочитает бездомных, а не благополучных, отверженных, а не облаканных. Предпочтение это, впрочем, заповедано великой русской литературой, и у настоящего поэта другого выбора быть не может.

Но Тарковский вовсе не культивирует болезненности и ущерба. Он умеет радоваться и ликовать, он певец «Благих трудов и праздничных щедрот, Счастливых бурь, клубящихся в лазури»... Он чужд иронии, высокомерия, сарказма, зато любит шутку, добрую улыбку, игру, шалость. Это органично сочетается с размышлениями о трагической подоплеке бытия, о драме человеческого существования. Но факт рождения, день творения превозмогает все и воистину сильнее смерти, а главное — страха смерти.

Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду,
Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду
Один, как сирота, я сам себя кладу,
Один, среди зеркал — в ограде отражений
Морей и городов, лучащихся в чаду.
И мать в слезах берет ребенка на колени.

(«И это снилось мне, и это снится мне...»)

Тарковский удивительным образом отепляет онтологическую проблематику: о душе говорит, как о ребенке, — с нежностью; холодно-отвлеченное воплощает и наделяет живыми чертами, живым характером, словно бы продолжая дерзкие опыты Боратынского.

Преимущественное внимание к вечным темам не означает ухода от жизни как таковой. Да, лирика Тарковского — вне мелочной злободневности, но дыхание времени в ней вполне ощутимо. Примечательно, что первые стихи были написаны им по очень конкретному поводу («Жили-были»).

В стихотворении «Затмение солнца. 1914» поэт восклицает: «Как много я прожил на свете! Столетие! Тысячу лет!», и в этих цифрах не одна только гипербола. Родился А. Тарковский в 1907 году, в Великую Отечественную войну был тяжело ранен, терял друзей и близких. Небывалые грозы и катастрофы XX века прорываются в его стихах гулом ритмов, экспрессией словесного жеста:

И мне огнем беды
Дуду насквозь продуло,
И потому лады
Поют, как Марнула...

(«Степная дудка»)

«Остаться поэтом на «земле похорон и потерь» было еще и нравственной задачей.

Лирика Тарковского содержит немало примет времени, сугубо новейших подробностей и понятий, но чаще всего и это дано опосредованно, в том числе и через прошлое, и через принадлежащие другим народам и эпохам реалии, и через явления природы («Медем», «Суббота, 21 июня», «Полевой госпиталь», «Мне другие мерещатся тени...», «Был домик в три оконца...», «Проводы» и др.).

«Смыкаются, как воды, времена», — говорит поэт. Таким образом, происходит своего рода перераспределение силовых полей, состояния и ситуации взаимно обогащаются, перекликаются, и рождается впечатление несравненного единства жизни, целокупности — биологической, исторической, интеллектуальной, духовной.

...Жажда жизни кору пробивала, —
Он живет во всю ширь своих плеч
Той же силой, что нам даровала
И в могилах звучащую речь.

(«Кактус»)

В мире Тарковского доминируют два состояния: радостная благодарность жизни и чувство преемственности. Каждый человек у него вписан в целое истории и культуры, прошлого и предстоящего, вписан в ежеминутную вечность, если можно так выразиться.

Я призван к жизни кровью всех рождений
И всех смертей, я жил во времена,
Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена....

(«Словарь»)

В данном случае «я» вобрало в себя нечто всечеловеческое, с особым, однако, акцентом на поэтический талант, который тоже одушевляет окружающее, даруя имена...

При всем стилевом отличии от Пушкина Тарковский следует пушкинской традиции почтительного принятия миропорядка, его законов. Только, пожалуй, он еще нежнее и бережнее чтит его, ибо многократно возросла угроза этому миропорядку, угроза всему живому, хрупкому, прекрасному («Предупреждение»).

Человек — средоточие всего лучшего на земле и естественная мера всех вещей, ибо он «из живого самое живое» и без его присутствия и отклика все как бы погружено в небытие. Чувство ост-

рой озабоченности и беспокойства за все вокруг, чувство неподдельного родства с каждым камнем и былинкой — родства не сентиментального, а последовательно самоотверженного — требует постоянно помнить об ответственности, о высочайшей миссии, возложенной на человека природой и историей цивилизации. Тарковский нигде не говорит об этом прямо, но именно этим живут и живы многие его стихи, в том числе и представленные в этой книге.

Мир в лирике Тарковского отнюдь не идеален и не идиличен, но автор «Первых свиданий» умеет и обыкновенное пережить как счастье. Ему даровано живейшее чувство красоты, чувство любви ко всему, чем замечательна жизнь.

«Молочный брат листвы и трав», Тарковский боготворит природу во всех ее проявлениях, любит ее, сопереживает, ничем не корит.

Одическое начало — в самом существе его дара, в самом взгляде на мир. «Пой, душа, тебя простят», — говорит он. «Песня под пулями» называется одно из стихотворений. Драматизм очевиден, но поэт неуклонно прославляет устойчивые компоненты бытия, на которые волен опереться каждый смертный: «Как зелена трава и неба сине...» Он ценит подробности, оттенки, «всю шуштуру пленительную эту», — но властвуют здесь первоосновы:

Я не живописец, мне детали
Ни к чему, я лучше соль возьму...

(«Степная дудка»)

А соль жизни по Тарковскому — в любви, в сострадании, в чувстве вины. Претензии предъявляются не миропорядку и не ближнему, а себе самому, ибо «все на земле живет порукой круговой»:

И если изморозь ложится на хлеба
И нефть в Освенциме пылает предо мною,
Я не могу сказать, что такова судьба,
И горько верить мне, что я тому виною...

(«Дума»)

Поэт просит прощения у Цветаевой и Ван Гога, Анджело Секки и детдомовской Анны. Он оплакивает известных и неведомых, знаменитых и забытых, воскрешает мгновения миновавшей жизни, да-

же исчезающие вещи, истово выполняя извечную работу искусства — удержать жизнь по эту сторону «недоступной черты», сохранить мимолетное, сделать его бессмертным.

...И было это как преображеньё
Простого счастья и простого горя
В прелюдию и фугу для органа.

(«После войны»)

Чувство жизненной динамики диктует особую художественную оперативность, ибо сущее мгновенно улетучивается без слова поэта. Преданный искусству слова, он понимает и высокие преимущества молчания: «Найдешь и у пророка слово, Но лучше слово у немого И ярче краска у слепца...»

Это знали античные философы и библейские пророки, знали Метерлинк и русские поэты, но даже древнейшие парадоксы каждый постигает в одиночку.

Ощущение единственности личности и вместе с тем сокровенного единства всего сущего обусловило обращение к памяти Державина и Хлебникова, Пушкина и Заболоцкого, Мандельштама, Цветаевой и Ахматовой.

Однако, при всей сохранности любимых и близких голосов, слышнее всего его собственный, сразу узнаваемый, ни на чей не похожий голос — звучный и легкий, с интонацией торжественной и кроткой, увлекаемый энергичным и бережным ритмом:

...И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унижил ни близких, ни трав,
Равнодушием отчэй земли не обидел,

И пока на земле я работал, принял
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав.

(«Я учился траве, раскрывая тетрадь»)

Иногда Тарковский прибегает к слишком, может быть, «сильным средствам» (сравнения типа: «рифма, точно плаха», анатомические и физиологические штрихи, «роковые» эпитеты), но, будучи поэтом очень точного эстетического и нравственного прицела, он

властно утихомиривает диссонансы, никогда не идет на поводу у импульса, сопротивляется искусству аффектации. При этом от стихов вовсе не веет прохладцей бесстрастной выделки. Они рождены взволнованной душой и неизменно волнуют.

Само просится из-под пера сравнение стихов Тарковского с архитектурным сооружением, скажем, с армянской церковью — небольшой и грандиозной, строгой и праздничной. Форма сурова и по-своему щедро. Форма значима.

«Как я хочу вдохнуть в стихотворенье Весь этот мир, меняющийся обличье...» Двудеинство и замысла, и воплощения подчеркнута самим поэтом. Материальный мир насквозь духовен, но чтобы он вошел в стихи, необходимо высвобождающее усилие художника.

Слова «пророк» и «дар» Тарковский произносит часто и, разумеется, не безотчетно и уж тем более не ради декора, а просто не имея возможности без них обойтись. В той системе ценностей, которая ему дорога, нет места профанации, ничтожному «спортивному интересу», нет места укороченному дыханию и близорукому взгляду. Влюбленная память поэта как бы распахнута во все времена, готова вобрать бесконечное богатство мира, ибо «путем стиха, путем любви» поэзия торжествует вечный праздник жизни, добра, красоты.

Пусть погаснет свет во взоре,
Но только бы слова, как сеть,
Держали мысль, и петь, и в хоре
Не онеметь, не онеметь...

И жить веками, жить веками,
Сшибаться грудь о грудь с горами,
Дышать ветрами, встретить пламя,
Гореть, и крепнуть, и сгореть.

(А. Сагиян. «Так жить»)

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться.

Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.

(А. Тарковский. «Меркнет зрение — сила моя...»)

АЛЕКСАНДРА ИСТОГИНА

с. Ястребовка
Курской обл.

ПЕРЕБОГЫ

САЯТ-НОВА

Косы твои — рейхан в росе — нежней дорогих шелков,
Брови — начертаны пером, лицо золотой покров,
Краше уста — на горе всем — и лалов и жемчугов,
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Роза изменит — счастлив червь, терзается соловей.
Каждого бог казнит, кого полюбишь меня сильней.
Два бесконечных года я томлюсь по красе твоей.
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Розы пурпурной нет в саду — не слышно там соловья,
В сердце ты ранила меня, терзаюсь, жар затая,
Я захворал любовью, лег, — смертельна болезнь моя.
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Где ты, Лейли? Я, как Меджнун, брожу в горах без ^{дорог,}
Нет мне лекарств от моей любви. Я стражду, я одинок,
Яр, я одну тебя люблю и жажду, свидетель бог,
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

— Злая, — сказал Саят-Нова, — глаза у меня в крови.
Правнучка Евы, дочь людей, — проклятье моей любви!
Клятву дала мне на тридцать лет — и лживы слова ^{твои.}

Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

○

Я ждал, я пролил столько слез,
Я в добрый час увидел милую.

Меня встречаешь, роза роз,
Шипами,
Шипами,—

Я в добрый час увидел милую.

Приди, пойми печаль мою,
Я муки смертные таю,
Горю любовью, слезы лью

Ночами,
Ночами,—

Я в добрый час увидел милую.

Наденешь пурпурный атлас
Погубишь мир, отрада глаз,
Тебе пристали б лал, алмаз

Рядами,
Рядами,—

Я в добрый час увидел милую.

У саза¹ нет иных забот,
Твои красоты он поет.

В саду ты водишь хоровод
С друзьями,

С друзьями,—

Я в добрый час увидел милую.

Саят-Нова забыл покой:

Твои глаза — фиал златой.

Да не глумится недруг злой

Над нами,
Над нами,—

Я в добрый час увидел милую.

---

¹ Саз — музыкальный инструмент.

○

Какую ты преследовала цель,
Когда в тот миг твои уста молчали?
Я болен, джан. Твои глаза — ужель
Моих кровавых слез не замечали?

Приди. Взгляни. Метни в меня копьё.
Я подставляю грудь под острие.
Скажи, зачем, сокровище мое,
Конец любви пришел в ее начале?

Джан, отзовись на мой протяжный стон.
Ты выжимаешь сердце, как лимон.
Я на позор тобою обречен, —
Когда певцу бесчестие прощали?

В моем краю мелькнула джан, как тень,
Не оживет застреленный олень.
Без добрых дел проходит долгий день,
Я по твоей вине томлюсь в печали.

Саят-Нова сказал: я на свечу
Как бабочка влюбленная лечу,
Сгореть в уединении хочу,
Чтоб искры джан мою не обжигали.

○

Весть пришла от джан прелестной: «Ни приветам,
Ни слезам его не внемлю, ни обетам», говорит,
О моих сердечных тайнах с целым светом говорит,
«Все равно мне, что случится с тем поэтом», говорит.
Брови джан — тугие луки, а ресницы стрел длинней.
Вдалеке она гуляет, с милой встретиться не смей.

Эй, друзья, кто горе мыкал! Что вы скажете о ней.
Молвишь: «Здравствуй!» — отвернется, —

«Что мне в этом», — говорит.

Соловей безумный, стражду: в тяжких ранах грудь
певца.

В мире этом у красавиц беспощадные сердца.

Твой Саят-Нова погибнет, но до смертного конца

Он твоим любимым станет. «Нет уж, где там!» —
говорит.

○

С поникшей головой, в цепях —

Я пленник твой, любовь моя.

У ног твоих лежу. Я прах.

Я пленник твой, любовь моя.

Ты свет у солнца отняла,

Твой луч — горячая стрела.

Сгорят мои глаза дотла,

Я пленник твой, любовь моя.

Я ранен, я умру в бреду,

С ума сойду, с ума сойду,

В твоих цепях к тебе приду,

Я пленник твой, любовь моя.

Молю, скиталец-соловей:

О, пригвозди меня скорей

У запертых твоих дверей,

Я пленник твой, любовь моя.

Ты роза роз, а я трава.

Смотри: я мертв, а ты жива.

Клянусь, поет Саят-Нова,

Я пленник твой, любовь моя.

ОВАНЕС ТУМАНЯН

НИЧТО НЕ ВЕЧНО НА ЗЕМЛЕ

(Старинное предание)

Случились ли, нет ли события эти
И так ли все было — кто даст нам ответ,
Когда только то достоверно на свете,
Что здесь ничего достоверного нет.
Так вот, говорят, жил крестьянин когда-то
Был нищ да разумного сына имел
И отдал его в услуженье за плату —
Такой уж им выпал обоим удел.

Шло время. Подросток без лишнего слова
Все делал, что скажут, был честен и прям:
И стал он хозяину ближе родного,
И хлеб уже тот с ним делил пополам.
В разлуке отец стосковался по сыну,
Он к сыну пришел и развеял кручину.
— Ну, как ты, сынок? Уж не то, что в селе?
Уж не голодаешь ли, недосыпаешь?
— Живу хорошо, ты и сам замечаешь,
Но только не вечно ничто на земле.

Года то летели, то шли понемногу,
И сын, ни минуты не тративший зря,
Уже не был чужд золотому чертогу —
Слугой у великого стал он царя.

В разлуке отец стосковался по сыну,
Он к сыну пришел и развеял кручину.
— Ну, как ты, сынок? У тебя на столе
Довольно ли яств, всех ли благ удостоен?
— Отец, я в довольстве живу, будь спокоен,
Но только... Не вечно ничто на земле.

В дорогу отец снарядился. Шло время.
И царь был доволен слугою своим,
И разум его возвеличил над всеми,
И первым был царь, а слуга стал вторым.
В разлуке отец стосковался по сыну,
Он к сыну пришел и развеял кручину.
— Ну, сын мой, ты в детстве копался в золе,
Теперь высоко ты вознесся над миром!
— Да, так, мой отец. Вот и стал я назиром¹,
Но только... Не вечно ничто на земле.
Шло время. Правитель страны справедливый
Нежданно-негаданно умер, и вот
Наследника нет, и престол сиротливый
Пустует, защиты взыскует народ.
Вельможи тогда собрались для совета,
И властью, которую дал им закон,
Торжественно в царственный пурпур одетый,
Был мудрый назир на престол возведен.

Прослышал крестьянин, что сын на престоле,
Пришел он, покинув родимое поле.
И молвил: — Мой сын, у тебя на челе
Величья печать, ты в почете и в славе!
— Отец мой, и вправду я — первый в державе,
Но только не вечно ничто на земле.

---

¹ *Назир* — верховный надзиратель при дворе.

Крестьянин в село возвратился. Шло время.
И царь молодой, не жалеючи сил,
Державу растил, нес тяжелое бремя
Суда: этих миловал, тех он казнил.
Но будь у тебя и пошире владенья,
Ты в мире оставишь все без исключенья.
Вот так и наш царь: слег и больше не встал,
И душу вернул вседержителю вскоре.

Отец его горькую весть услышал,
В столицу пошел, а в столице-то горе,
В столице — стенанья, да слезы, да крик...
Стоит в стороне и горюет старик.
Войска со знаменами движутся стройно,
Царя всем народом хоронят достойно.
А после, могиле доверив царя,
Расходятся все, про свое говоря.

Шло время. Горючие слезы глотая,
К могиле старик припадал. Как во мгле
На мраморе царственном вязь золотая
Виднелась: «Не вечно ничто на земле».

Ушел и отец навсегда. Мирозданье
Вращается мерно, своим чередом
Проходят века, но донныне сказанье
«Не вечно ничто на земле» мы поем.
Надгробия царского нет и в помине,
И стала столица безлюдной пустыней,
А ты в этом мире, как всадник в седле,
Но помни: не вечно ничто на земле.

ЛОРИЕЦ САКО

1

В Лорийском ущелье одна пред другой
Угрюмые скалы стоят над рекой
И, брови сведя, не мигая, в упор
Друг в друга вперяют свой каменный взор.

Подножья их моет, и темен и сед,
Бушует как дэв и кипит Дзорагет,
И камень грызет ледяная волна,
И пасть его пены шипучей полна, —
Плюет, и в скалистом затворе своем
Он старицу ищет, идет напролом,
Шипит, оглашая окрестную тишь:
— Ваш-вишь! Ваш-вишь!

В глубоких пещерах над дикой рекой
Юродствует бесов мятущийся рой.
Хохочут они Дзорагету в ответ,
И выются, и дразнят седой Дзорагет,
Визжат, разрывая окрестную тишь:
— Ваш-вишь! Ваш-вишь!

По каменным склонам ущелья в ночи
Испуганно лунные сходят лучи,
И робко играют с кипучей волной,
И все оживает под бледной луной,
И странную жизнь обретя в этот час,
Все дышит темно и неясно для нас.

Вдали — монастырь проступает во мгле,
Здесь — бодрствует крепость на голой скале, —
Из башни доносятся крики совы,
И гнутся от ужаса стебли травы;
В глубины ущелья, как страж этих мест,
Глядит покосившийся каменный крест.

2

Есть хижина в этом ущелье. Сако
 Один в ней ночует. Село далеко,
 И только сегодня ушел, как назло,
 Напарник-пастух из ущелья в село.
 Уж этому, верно, причина была,
 И мало ли нужд вдалеке от села:
 В мешке отрубям подошел ли конец,
 Не стало ли соли у них для овец,
 У тещи яичница ли хороша,
 По милой ли затосковала душа —
 До солнца еще снарядился Гево,
 Оставил овец на дружка своего.
 Сако в одиночку овец перегнал
 И в хижине заночевал среди скал;
 Обужку промокшую над очагом
 Повесил сушиться, присел, а потом
 Прилег, — да не спится сегодня ему,
 И в хижине страшно Сако одному.

3

Пусть в этих пустынных местах он один,
 Чего ж он боится, такой исполин?
 Гляди-ка: не сдвинуть его, не поднять, —
 Огромный, плечистый, могучая стать, —
 Лежит словно бурей поваленный дуб,
 А встанет, космат, неотесан и груб,
 И вскинет дубину с гвоздем на комле.
 И двинется, будто гора, по земле,
 И кликнет собак, и собаки к нему
 Сбегутся, тогда ты поймешь, почему
 Так робко его одинокий ночлег
 Обходит и зверь, и лихой человек.

Как все пастухи, простодушен Сако.
Их души вверяются дружбе легко.
Когда пастухи возвращаются с гор,
Горит у них весело общий костер,
Спеваются сразу свирель и дуда,
А плясок-то, песен-то сколько тогда!

4

Но в хижине темной средь скал и руин
Сако этой ночью остался один.
Глядит, полулежа, в огонь очага,
А ночь, как бессонная дума, долга...
И вспомнил он бабушки давний рассказ, —
До света теперь не сомкнуть ему глаз, —
И стал поневоле он думать о том,
Что бесам привольно во мраке ночном,
Что их колченогий неистовый рой.
Всю ночь забавляется страшной игрой,
Что любо им, образ турчанок приняв,
Пред путником встать и схватить за рукав...
Посмотришь с горы, а в глубокой тени
В дремучих пещерах витают они
И голосом, будто знакомым, зовут
В свой дикий, погибельный, мглистый приют.
Пирует всю ночь их мятущийся стан,
И воет зурна, и гудит барабан...

И в прошлое смотрит Сако, и едва
Он бабушки тихие слышит слова:

— Зовут: — На свадьбу к нам, скорей,
Пока дневной не брезжит свет!
Нет наших девушек стройней,
Невест прекрасней нет.

Яичницу изжарю я,
Лепешку дам из нежных рук.
Я тетушка... Я матушка...
Я твой сердечный друг...

Вон пляшет — очи карие,
Пригожа и стройна,
Любовью сердце ранено....
Тара-ни-на!.. Тара-ни-на!

И вот, порожденные ночью глухой,
То скопом, то порознь — одна за другой,
Косматые тени плывут не спеша,
Пока у Сако холодеет душа, —
Соскальзывают за спиной со стены —
Оскалены зубы и лица черны.

5

Олень торопился ли на водопой,
Бродяга ли волк поспешал на разбой,
Задела ли камень косуля, и тот
Упал со скалы, или ветра полет
Прохладой повеял, коснувшись ветвей,
Иль мышь завозилась у норки своей,
Спросонок овца ль завозилась... и вот
Сако показалось, что кто-то идет,
Подходит, за дверью таится, и слух,
Прислушиваясь, напрягает пастух.

6

— Кто это в огонь мне насыпал земли?
Кто глянул в окошко?

Эй, ты, не шали!
Что ищешь у двери порою ночной?
Эй, кто там, на кровле, шуршит надо мной?
Эй, кто это дышит,
Кричит, а в ответ —
Ни слова, и только шумит Дзорагет.

Кто в полночь не спит? Даже ветер в горах
Заснул, даже небо... и только впотьмах
Бессонные бесы кишат и снуют:
Ущелье Лори — их любимый приют;

Устроили адский свой праздник они,
Шныряют и рыщут в глубокой тени, —
Отыщут в горах человека, и тут
Со смехом и воплями... двери сорвут!

Огонь догорает, почти что потух...
И дышит прерывисто бедный пастух;
Он — горец, душа у него хороша,
Да только дика... И томится душа:

— А может быть, все померещилось мне,
Не очи, а звезды сверкнули в окне,
Иль волк по добычу отправился в путь...

И хочет Сако на оконце взглянуть,
Да взора не смеет поднять высоко...
И только прислушивается Сако.

И слышит:
Подкрадываются тайком,
Толпятся за дверью,
Потом —
Шепотком:

— Он здесь, подходи!
Он здесь, погляди!
Ха-ха-ха-ха!
Нашли пастуха!
Подходи!
Погляди!
Ха-ха-ха-ха!

От ужаса бедный Сако изнемог,
Вскочил, пошатнулся, взглянул на порог...
Трах! Дверь распахнулась. Те лезут в окно,
Те — через порог, и турчанок полно,
Хохочут, и вьются, и воют не в лад,
Гогочут, визжат да свистят...

7

Над страшным ущельем, бледна и смутна,
В нависшие тучи ныряет луна.
Вглядишься в эту темную ночь, посмотри,
Как мчится Сако по теснине Лори.
С распущенными волосами, толпой
Бесовки-турчанки визжат за спиной,
Хватают за руки, бегут по пятам,
Гадюками скользкими бьют по плечам...
Гремит барабан, завывает зурна,
И песня из каждой пещеры слышна:

— Сако, на свадьбу к нам, скорей,
Пока дневной не брезжит свет!
Нет наших девушек стройней,
Невест прекрасней нет!

Яичницу изжарю я,
Лепешку дам из нежных рук.

Я тетушка... Я матушка...
Я твой сердечный друг...

Вон пляшет — очи карие,
Пригожа и стройна,
Любовью сердце ранено...
Тара-ни-на! Тара-ни-на!..

Вздымаются волны кипучей реки,
О камень хрустальные точат клыки,
Разносятся их голоса далеко:
— Хватайте, держите безумца Сако!

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

СКИТАЛЬЦЫ НА МЛЕЧНОМ ПУТИ

И так мы живем, что нельзя нам не жить

Два бездомных скитальца на Млечном Пути,
Два скитальца в изодранной ветхой одежде,
Время наших скорбей **мы привыкли нести,**
Доверяясь неясной мечте и надежде.
Полюбили мы сердца случайный порыв
И видения в пору вседневных скитаний,
И в бессонных глазах навсегда сохранив
Многозвездное небо в блаженном тумане,
Мы проходим теперь по дорогам Земли,
Сны покинувших Землю приняв как наследство,
И растаяло облачком серым вдали
Наше смутное и безотрадное детство.
Расточилось, растаяло детство, как бред,
Мы домой не вернемся, мы долго блуждали,
И понятной дороги на свете нам нет,
Потому что нам грезятся дальние дали,
И теперь нам единственный свет бытия —
Бесперывные, вечные поиски цели.
Многоцветные мы исходили края,
И сердца наши страстью, как жертва, горели.
Но глаза не увидели солнц золотых,
И сердца наши светлой не встретили дали,
И глаза неотступно в глазах у других
Златотканое звездное небо искали,
Млечный Путь, беспредельную даль — и светил

Торжество, и пространства сиянье благое.
Взор безжизненных глаз наши души студил,
Пламя сердца гасил равнодушной золою,
Преисполнилось сердце мое, и хвалу
Небесам вознести я желал, и не знаю,
Почему я пою про докучную мглу
Дней моих, заплутавших в томленье без края.
Опочило сказанье на дне моих глаз
О блаженстве в кругу синевы без предела,
О взаимовлияниях звездных рассказ,
И бесплодное сердце мое затвердело.
Нас не понял никто, и смешило людей
Наших пристальных глаз голубое свечение,
И глумились над пламенем наших страстей,
Уходили, душе не даря утешенья.
И со смехом от нас отвернулась родня,
С нами только блудницы делили печали,
И разумные нас обходили, браня,
Лишь безумцы вполголоса нас привечали.
Не беда, что в безумье мы дни провели
И что мы задыхаемся, будто в дурмане.
Озаренные светом высоких мечтаний,
Мы покинем — счастливые — лоно Земли.

Я затосковал, больной и безумный,
По солнцу, измученный этой сквозной
Ночной немотой, этой ртутной, бесшумной,
Бестрепетной мглой под бледной луной.

О, как я желал, чтобы солнечный зной
Луну победил и расправил мне плечи,

И чудо высокое утренней речи
В лучах и сиянье взошло надо мной.

Но в мертвенной мгле недужной печали
Не брезжило утро, слова не звучали.

О

И для меня прервется путь земной,
Когда-нибудь глаза и мне закроют,
Забудут песни, сложенные мной,
И в землю плодородную заркоют.

И также будет солнце бытия
Для нив и рощ творить благодеянья,
И не поверит даже мать моя
В недолгое мое существованье.

И каждая простится мне вина,
И я сольюсь, растаяв легким дымом,
С преданием, как наши времена,
Величественным и неповторным.

БЕССОННИЦА

И мчатся, и мчатся, и мчатся кони,
Я слышу подковы и крики погони.
Бездонная ночь и неведомый путь,
И цокот подков о земную грудь...
И мчатся, и мчатся, и мчатся кони,
То ближе, то дальше крики погони,
И цокот подков — у меня в висках.
Как жизнь и как смерть — этот мир впотьмах.

О

Я хочу, чтоб зурна мне пела,
    чтоб вино я пил до утра,
Перед каждым открыл бы душу,
    всем бы другом был до утра,
Прокатился б на фаэтоне
    под окном высоким твоим,
О любви бы молил и плакал
    из последних сил до утра.
Я бы разум ветрам доверил,
    в каждый погребок заглянул,
Для друзей бы в хлеб превратился,
    лил вино из жил до утра,
Головой бы своей горячей
    к дорогим коленам приник, —
Во хмелю твой сладчайший образ
    всю бы ночь хвалил до утра.

ВЕЧЕР ПРОЩАНИЯ

1

Ты пришла, ты была мне сестры родней,
    И вот — уходишь.
Ты молитвой всегдашней была моей,
    И вот — уходишь.
Не затем приходила ты, чтоб теперь
    В сон превратиться.
Поцелуй на прощание у дверей —
    И вот — уходишь.
Это, может быть, и не любовь, а так...
    Лишь сон мне снится?
Превратилась ты в память минувших дней,
    И вот — уходишь.

Ты уходишь, но сердце тебя зовет
 Из дальней дали.
 Ты была мне подругой, была сестрой.
 Ты не вернешься?
 Улыбаюсь, чтобы тебе в пути
 Не знать печалей.
 Как мне с сердцем управиться, с сиротой?
 Ты не вернешься?
 Ты уходишь, но кажется: я тебя
 Жду на вокзале,
 Будто встретиться должен я вновь с тобой.
 Ты не вернешься?

ГАЗЕЛЛА

Невозвратное вешнее утро, сирень
 я призываю,
 Сердцу близкую и дорогую тень
 я призываю.
 Золотой, обжигающий, яркий зной,
 согрей мне душу!
 Лега быстротекущего долгий день
 я призываю.
 Где пора созреванья земных плодов?
 На помощь, осень!
 Где ты? Желтой листвою меня одень! —
 Я призываю.
 Все ушли от меня, я теперь один,
 сердце тоскует.
 Мирный сон у огня, краткий день и лень
 я призываю.

И приносит старуха о смерти весть.
Тень дорожную,
На последнюю, мерзлую став ступень,
я призываю.

ГАЗЕЛЛА МОЕЙ МАТЕРИ

Я помню свет твоего лица, моя бесценная мать.
Морщины, будто следы резца, моя бесценная мать.

Тихонько сидишь, сидишь, молчишь,
и старый ветвистый тут¹
Тень кладет на ступени крыльца, моя бесценная мать.

Вспомнила сына, а где твой сын?
Нет сына, пропал и след.
Дети уходят, горят сердца, моя бесценная мать.

Сердца горят. Он жив или мертв?
В какую стучится дверь?
Где сын? Ни слуха, ни письма, моя бесценная мать.

Измучит жизнь, обманет любовь, и кто утешит его,
Во мгле бредущего беглеца, моя бесценная мать?

Укачивает зеленый тут печаль немую твою
В сонной тени своего венца, моя бесценная мать.

На старые руки — по одной — тихонько бегут, бегут
Соленые слезы без конца, моя бесценная мать.

---

¹ Тут — шелковница.

○

Сколько в сердце ни скрыто тепла и огня —
  все для тебя,
Сколько света и счастья ни есть у меня —
  все для тебя,
Пусть не хватит огня для меня, все отдам,
  только бы ты
Не озябла на холоде зимнего дня.
  Все для тебя.

○

Я — пьяный духанщик. А где духан?
                                Ни вина, ни духана нет.
Мой стол опустел, и гости ушли,
                                ни султана, ни хана нет.
Где прежние силы? Где голос мой?
                                Я напевы рая дарил
Твоей красоте, и сил теперь
                                у согбенного стана нет.
Я — ветер бездомный, — все растерял,
                                ничего не хочу вернуть.
Индийский обрушился океан:
                                мне любовь преградила путь.
Народу слуга, как Саят-Нова,
                                всем клинкам я подставил грудь,
Я жажду велений твоих, и мне
                                инога фирмана нет.
Я — пьяный духанщик. А где духан?
                                Ни вина, ни духана нет.
Я славил бы славу твою, но сил
                                у согбенного стана нет.

БЕЙТЫ

1

Скажи, певец, — если жизнь тебе казалась чашей вина,
Для скольких ровесников твоих была полынью она?

2

Ты пел, Хафиз: превратятся в прах и шах и его рабы.
Так почему ты любил любовь и брал дары у судьбы?

3

Смысл жизни ты в любви и вине искал на земле, Хаям.
Но ты искал вино и любовь в остывшей золе, Хаям.

4

Ты многих шахов позолотил своим пером, Фирдуси!
Никто из шахов не отплатил тебе добром, Фирдуси!

5

Походы шаха ты восхвалял, но громкой хвалой своей
Ни бедной жизни ты не согрел, ни жалких своих
костей.

6

Слова твои — золотая ткань, всеславный Саят-Нова.
Ты не имел ни меда, ни яра, бесправный Саят-Нова.

7

И золото, и алмазы слов ты в ряд нанизал на нить.
Одной возлюбленной опален, ты всех пришел опалить!

36

**Шах пред тобою и нищ и наг, столь чтимый Саят-Нова.
Народ щедрее слуг не имел, чем ты, мой Саят-Нова.**

**Весна приходит, и опять цветет шиповник.
В глазах влюбленных образ милый пребудет вечно.
Пройдут года, и жизнь пройдет, но слез виновник —
Звон соловьев сереброкрылый пребудет вечно.**

**Другие соловьи засвищут в саду весною,
Он за меня споет, что было не спето мною.
Дни — дым, но круг времен и был и пребудет вечно.**

**И сотни сотен раз из глаз прольются слезы,
И чаши сотни сотен раз раскроют розы,
И сердце сотни сотен раз пронзят занозы,
И кровь, и сердца пепел стылый пребудет вечно.**

**И снова будет ладан плыть, благоухая,
И голову клонить цветок родного края.
Из глаз прекрасных упадет слеза живая
И на плите моей могилы пребудет вечно.**

**Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять.
Ты видела иго чуждых стран — и увидишь опять.
Ты видела сжатый урожай кровопролитных войн,
Неубранный хлеб, глухой бурьян — и увидишь опять.
Подобно изгнаннику, боль обид видела на пути,
И ветер сухой, и ураган — и увидишь опять.**

Где Нарекаци? Где Шнорали? Где Нагаш Овнатан?
Ты видела мудрых славный стан — и увидишь опять.
Армения, твой Чаренц как дар взял язык дуетебя!
Ты видела многих певцов-армян — и увидишь опять:

ЕРЕВАН

1

Ни один поэт звездоглазый
Не мечтал еще о таком:
Солнце мира вместо алмаза.
В галстук свой мне вколоть бы днем,
К ночи —
Синее небо взять бы, —
Я бы над головой понес
Гроздь звезд,
Как несут на свадьбу
Винограда полный поднос.
Властен я над ходом событий,
Стих поэта — всего сильней.
Я в чекан превращу —
Хотите? —
Паутинку души моей.

2

Ничего, ничего не знаю...
Но дана мне сила певца,
Страстной песни рука стальная
Нежно гладит ваши сердца.
Захочу — и быстрее ветра
Стих наточенный прынет к вам;

Чтоб, косою скосив километры,
Полоснуть по вашим сердцам.
Я могу оперенную словом
Снять стрелу
С тетивы поэм,
Бросить наземь лук
И в лицо вам
Плюнуть в гнев.
Только зачем?
Что изменится?
Разве не ляжет
Камень скуки на сердце мне?
Разве путы тоски развяжет
Гнев мой праведный хоть во сне?
Вспыхнуть ярко сердце желало б,
Но, сломясь,
Как старый Терсит,
Смертоносной стрелою жалоб
И себя и всех вас пронзит.

3

Ну, что хочешь, что тебе надо,
Сердце песенное мое?
Вьючный скот,
Ереван — громада,
Тяжко мне твое забытье.
Канакерский склон — в изголовье,
А в ногах у тебя — Арарат.
Я люблю тебя верной любовью,
Я домам глинобитным брат,
Сонный, вьючный город мечтаний,
Я — твой раб, Ереван,
Ты — мой хан.
Словно перс правоверный — баню,

Я люблю тебя, Ереван.
Я такого чуда не помню,
Чтобы негр белокожим стал.
Как тебя похвалить еще мне,
Чтоб не ждал ты других похвал?

4

Снова, снова, снова мне снится:
Потому Ереван притих,
Что повис,
Как самоубийца,
На веревке нервов моих.
Он висит,
Он просит забвенья,
Говорит:
«Я к смерти готов».
Шар земной опоясали звенья
Звонкой цепи больших городов.

Там начищены, как гуталином,
Тротуары,
И вместо телег
Там моторы на радость витринам
Ускоряют свой плавный бег.
Светят зарева издалека мне,
Фонари унижали мосты.
У других — драгоценные камни,
Ничего у меня, сироты.
Мой Чаренц, умереть мне слаще,
Чем дремать другим не под стáть.
Если ты поэт настоящий,
Помоги страну подымать.
Пусть мостами протянутся строки,
И под арками их на бегу

Прогремят столетий потоки,
Чередой впадая в Зангу.
Если можешь —
Неведомый, новый,
Полный света город построй.
Почему же без сна и без слова
Ты сидишь под беспутной луной?

Ах, луна!
А луна-гулёна
В круглой шапочке с серебром
«Энзели» на площадке наклонной
Пляшет,
Ходит павой кругом.
Длится звездный пир.
Арарату
Снится сладкий сон про меня.

Ереван, грядущим чреватый,
Я люблю тебя верно и свято.
Так тянулось к Давиду когда-то
В старой песне
Сердце коня.

ПАМЯТИ АРХИТЕКТОРА АЛЕКСАНДРА ТАМАНЯНА

Последний миг — он вспыхнул, как лампада...

. . . . .

Когда сознание погружалось в тьму,
Вдруг легкая сквозная колоннада

Отчетливо представилась ему.
Увидел он в предсмертное мгновенье,
Короткое, но равное векам,
И мраморные теплые ступени,
И башни, что стремятся к облакам,
Проспектов улетающие стрелы,
Газонов шелковистую траву,
Туф — розовой мерцающего тела,
Небесную базальта синеву.
Отчетливо — до упомо­раченья —
Представилось ему в последний раз
Фонтанов серебристое свеченье,
Великолепье скверов и террас...
К виденью синему из камня и металла
Рукой он потянулся, но она
Отяжелела и на грудь упала.

И смерти

наступила

тишина.

ИЗ СТРАНЫ НАИРИ

(Отрывок)

...Мне жертва моя опалает ладонь,
Я сердце страны Наири кладу
В пылающий ваш огонь.
Кто может сказать:
В эту раннюю рань
Пришел ли еще кто-нибудь, чтобы влить
В торжественный ваш и могучий хор
Свободолюбивей песнь,
Чем та, что звучит с высоких гор
Моей страны Наири?

Кто может сказать:
В эту раннюю рань
Пришел ли еще кто-нибудь, чтобы влить
В пылающий сплав миллионов сердец
Бесстрашнее сердце, чем то,
Что вам принести мне велела, как дань,
Моя страна Наири?
Кто может сказать:
Вашим красным рядам
Принес ли еще хоть один поэт
Бодрее привет, горячее привет
Моей страны Наири?
Багряной от крови своих сыновей
Моей страны Наири?

. . . . .

Багряным цветком в ликованье горит
Наирское сердце мое,
Сливает его единый ритм
Со сплавом красных сердец.
Сто тысяч мечей, сто тысяч потерь
Терзали его, и раскрылось оно
У мира в широкой груди,
И радость в душе у меня кипит,
И, светел лицом, я песнь пою,
Что дал мне страдавший из рода в род
Народ страны Наири.

Смотри — это я пою,
Пришедший из мглы столетий былых,
Поэт-исполин Егише Чаренц,
Слагающий гимн во славу твою
Твой сын, страна Наири.
Сегодня мне стать собою дано,

Я родом из жил твоих золотых,
Ты силу мне дал, победитель-народ,
Я только — твое звено.
В железную песнь я сердце вложил
Во славу грядущих времен,
И в сердце своем новозданный мир
Несу я в избытке сил.

И вот — я стою — и могуч и тверд —
На вечном снегу наших гордых гор,
Под красным крылом грядущих веков,
Широким ветром дыша,
И на высоте полета их
Мужает моя душа.

И красным огнем душа и полна и горда,
И тем я горжусь, что в мои времена
Я радость воспел средь наирских гор,
Что новую песню мою навсегда
Я влил во всеобщий хор.

ПАМЯТИ ВААНА ТЕРЬЯНА

1

Ваан Терьян, как восхвалить мне память твою?
Пускай темнеет тихий вечер в нашем краю,
На сердце ляжет черной тучи тягостный гнет,
И плачет ливень, и о смерти ветер поет.

И листья мертвые мелькают передо мной
И устилают, друг мой дальний, твой путь земной,
И песнь чуть слышную заводит влажная мгла,
И славят боль твоей печали колокола.

Ты удаляешься. Ни вести, ни следа.
 Теперь уже навек твое умолкло слово.
 Нет, — сердце чувствует: ты вновь придешь сюда,
 Когда настанет ночь и дождь заплачет снова.

Когда настанет ночь, когда в бессонной мгле
 Обида вновь начнет язвить воспоминанья,
 Ты возвратишься к нам, чтоб петь в пылу страданья
 Любовь — последнюю, быть может, на земле.

Ты вновь придешь сюда, и вновь своею песней
 Бессолнечных сердец зажжешь остывший прах,
 Чтоб солнца и светил прекрасней и чудесней
 Высокие мечты зажглись в людских сердцах.

И мы почувствуем, как дорог нам печали
 Огонь в больной крови, что нам тобою дан,
 Что песни мы светлей, чем песнь твоя, не знали,
 О мой далекий друг, о мой Ваан Терьян...

ГЮМРИ

*Дорогому
 АРТАШЕСУ ТЕР-МАТИРОСЯНУ,
 гюмрийскому поэту*

1

Здесь еще стонет зурна,
 Гулкий бубен по сердцу бьет,
 А душа твоя — как ни вой она,
 Все равно безъязыкой умрет.

Ах, зурна, зурна, ах, зурна,
Желтая тоска
День за днем.
Станет жизнь твоя подобием сна,
Мир — безвыходным тупиком.

Расточись в непроглядной тени, как свет,
Жизнь в тени загуби, умри, —
Исподлобья насмешливо глянет вслед
Гюмри.

2

Обойди переулки, тоскуй, гори, —
От зурны избавленья нет, —
Желто-серый старый Гюмри
Исподлобья посмотрит вслед.

Обойди весь Гюмри, утомлен и пьян,
Пусть шатает тебя, все равно,
На бульваре деревья канут в туман,
Усмехнется «Аполло»-кино.

Вот гюмриец Ваго, он ленив и сонлив,
Даже он потешается над твоей
Отсыявшей мечтой, что, веки смежив,
Спит в гробу на погосте дней.

Упадешь под забором, и сердце вдруг
Перестанет в груди стучать,
А Гюмри не уронит стакана из рук, —
Пей, гуляй, наливай опять!

Будут выть над тобой только песни твои,
Как бездомные псы,
И — пьяна,
Отпоет панихиду, как в забытьи,
Зурна.

○

Темнеет — и в сердце мое проникает тоска,
И плачет вполголоса, как за стеной непогода,
И жалобы копит в углу своего тайника,
Корит меня каждой секундой минувшего года.

И ропот неясный я слышу всю ночь в полусне,
Он в мыслях туманных моих отзывается сиром,
И, кажется, он приближается тайно ко мне
Из непостижимо далекого мира.

И хаоса тысячелетнего ходит волна,
И скорбную душу бросает в пучину, и мимо
Проходят кружащиеся колесом времена,
Как путаный сон, недоступны и неуловимы.

То жалуется этот голос, безумный от слез,
То тихо зовет, как в потемках недужный ребенок,
То вскинется дико и, как в полнолуние пес,
Завоет спросонок.

И слушает сердце, как хаос, клубящийся в нем,
На сто голосов причитает, стенает и воет.
Так жизнь протечет, а потом в океане ночном
На дне равнодушная вечность мой дух успокоит.

Вот осень желтая уселась на пороге
И мерзнет, и дрожит... И шум листвы затих,
И поздние цветы склоняются в тревоге, —
Пасть неба хмурого сейчас поглотит их.

И мерзнет, и дрожит мой старый пес, и жмется
К ногам, подняв глаза, и там, на дне зрачков,
Мерцает смутный страх, как в глубине колодца,
И «осень подошла!» он говорит без слов.

Да, осень подошла, мой пес! Теперь надолго
Мы лишены тепла. Прижмись к ногам, скули...
Она — голодная, и злость ее от — волка,
Она — туман седой, тоска и смерть земли.

СОБАЧЬЯ ТОСКА

По-сиротски заскулил под моим окошком пес.
Без тебя и этот день я, тоскуя, перенес.

Пес тоскует, у него нет на свете никого,
Никого и ничего, — что луне тоска его?

В облака луна ушла, ни звезды, тоска одна,
Пес без ласки прожил день, и не спится допоздна.

Тускло газовый фонарь светится из-за угла.
Быстро к нашему двору ночь сегодня подошла.

Быстро шум дневной затих. Равнодушна эта ночь,
И не хочет эта ночь ни утешить, ни помочь.

А куда как днем была наша улица светла, —
Подошла ночная мгла и веселье прогнала;

Днем — у булочной народ, в ресторане — шум и гам,
Сколько встреч, тревог, надежд — по обеим сторонам.

Днем и пес не заскулит, днем — живи себе, спеши,
В суете да на свету неприметна боль души.

Пес не может рассказать о своей ночной тоске,
Сердце рвется на куски — слова нет на языке.

Нет, я больше не могу слышать твой тоскливый вой,
Будь послушен, замолчи, спи, мой пес сторожевой,

Спи! Ни света, ни вестей нам не будет от луны.
Слишком, брат мой по тоске, ночи осенью длинны.

В УЖАСЕ ПЕРЕД ПАДЕНИЕМ

Вот я поэт, и я говорю: имя мое — Чаренц —
Будет гореть высоко в веках, как пламенный венец.

Оставил я века за собой, шел дорогой побед,
К векам грядущего напрямик я пролагаю след.

О чем ты спрашиваешь меня, печальная синь огня?
Ты, древняя душа Наирі, зачем томишь меня?

Зачем расстилаешь предо мной благоухания плат?
И отчего мой страждущий дух твоей тоской объят?

Зеленые очи, бледный лик... Как я могу помочь?
Зачем ты стоишь на моем пути, тысячелетий дочь?

Хочешь ты, чтобы, и слаб и наг, я поник наконец,
Как потерявшееся дитя, как на костре мертвец.

В ужасе перед паденьем — я, не выпустив стрелы,
Вновь отступаю, назад бегу, прячусь в пределах мглы.

Глаза мои, в которых еще брезжут синие сны,
К обезумевшим толпам людским снова устремлены.

Они воспламенены, их — тьма, они встают стеной,
Они должны смести города, спящие под луной,

Очарованья ваш мир лишит, чтоб на месте его
Оставить разруху, пепел, смерть — и больше ничего.

Сети очарованья плела любовь у вас в дому, —
Они придут, разрушат ваш дом, снова не встать ему:

Больше не будут ваши глаза гореть огнем страстей,
Запорочит их седая зола ваших сгоревших дней.

И больше не вспомнить никому, что раз один в веках
Живое сердце мое в плену держал паденья страх,

Что знал я женщину в веках, — душу мою губя,
Она швырнула ее, как звезду, — дальше от себя.

Толпы неистовые придут, а им ничего не жаль,
Они разрушат ваш рай и ад, и чары, и печаль.

И женщинам больше не услышать о паденье моем,
Не угадать, что стала душа раной и гнойником.

Не выдам ни словом, когда огнем новой песни дохну,
Что был я несчастен и сердцем слаб, и что я был в плену.

Вот я — поэт, вереницей стрел летите, песни мои,
К новым столетьям, закалены в пламенном бытии.

Оставил я века за собой, шел дорогой побед,
К векам, горящим красным огнем, я пролагаю след:

ВОЛШЕБСТВО В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Она в парикмахерской молча сидит, и пред ней
Зеркальная плоскость блестит серебра холодней.

В глазах её — скорбь, и в глазах — забвенье, и в упор
В зрачки отраженью устала женщина взор.

На лоб ее падают желтые пряди волос.
Глядит, как во тьму, и в глазах безответный вопрос.

Она в отчужденье, она нелюбима, она
Бледна, некрасива, она никому не нужна.

И зеркало сумрачно в пропасть печали зовет...
Но прибраны волосы, — рдеет смеющийся рот.

Он здесь, он вблизи, как любовь, столь знакомая ей, —
Неведомый друг, утешитель и маг-чародей.

Улыбка фальшивая, пудра, граненый флакон,
Заемные запахи, чар трехкопеечных сон,

И звяканье ножниц — друзей поредевшей косы...
А что говорят со стены эти злые часы?

Секунды — в засаде; звенят — и ни шагу назад,
Про старость и смерть говорят, говорят, говорят.

Но маг побеждает и зелье волшебное льет,
И преображенная женщина с места встает.

Пусть не узнает себя в новой своей красоте —
Идет очаровывать и распинать на кресте.

Поэт я — и знаю: пока ты на свете живешь,
Что истина сердцу, когда утешительна ложь?

Священна неправда на жгучем костре бытия:
Ты грезам поэта поверь, щеголиха моя!

ЛЕТО

Настало лето, жарок день,
Дивится урожаю мир,
В саду цветущем — свет и тень...
Что ж беззащитен я и сир?

Я взял у солнца и земли
Всё, что могли мне дать они,
И семена мои взошли...
Что ж я грущу в такие дни?

Мне урожай собрать дано,
И станет полной чашей дом,
Но сердце всё еще темно,
Не слышно летней песни в нем.

Кто знает, сердце, жизнь твою
И тайные твои мечты,
И почему я слезы лью,
И почему в смятенье ты?

БЕЗ ЗАГЛАВИЯ

Прекрасней нет детей на свете,
Чем ты, моя малютка-дочь.
А скоро подрастешь немножко
И крикнешь со двора в окошко:
«Гляди, кругом играют дети
Такие же, как я, — точь-в-точь!»

ИЗ ЦИКЛА «ВОСЬМИСТИШИЯ СОЛНЦУ»

Как бедра женщины, рожденной
Сводить с ума, сжигать, гореть,
К своей стихии раскаленной,
Притягивает солнца медь.
И кони дико ржут во власти
Огня, траву полей топча,
И стонут женщины от страсти,
И ловят смех его луча.

Звенят подковы золотые:
Табун коней на солнце ржет...
Бесстыдно девушки нагие
Целуют солнца рдяный рот.
Уже воспалены их губы —
Целуют, словно жизнь губя,
Погаснет жар, святой и грубый.
Приди, я так хочу тебя.

Прекрасное горит, сжигая,
Горит, живому жизнь даря,
Твоя вселенная живая.
Пока ты жив — сжигай, горя.
Сгорев, остынь, зола седая,
И лучше душу сжечь не зря,
Чем тлеть, чадая и не сгорая.
Пока ты жив — сжигай, горя!

ТРИОЛЕТ

Л. Б.

Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.
Когда не хочешь ты в трясине потонуть, —
Ты должен жизнь любить и славить Землю нашу.
И чашу грусти пить, как пьешь веселья чашу.
Не лей напрасных слез и жалобы забудь.
Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.

○

Сегодня ли тебя найдет судьба,
И ты глаза закроешь, холодея,
Не жалуйся на смерть: она слаба
Перед душой бессмертною твоею.
Взаимы дала природа много сил
Душе твоей, пылающей как пламя,
И ты сторицей долг ей заплатил —
Мечтами, думами, стихами.

РУБАИЯТ

○

Ты есть, ты дышишь, ты живешь: промчится миг —
и ты другой.
В былое канет явь — и что ж? Промчится миг —
и ты другой.
Пусть, как зерно, твой день умрет: родит ведь
завтрашний он день.
Вот так по жизни ты идешь. Промчится миг — и ты
другой.

○

Смотри: перед тобой река, она течет и течет.
Хоть неизменен для тебя поток струящихся вод,
Она другая что ни миг. А слава твоя, чудак,
О вечном памятнике сны лелеет из года в год.

○

В парадную входили дверь — и раем считали дом.
Мы думали: сам бог воздвиг из камня и стали дом.
Вошли мы через черный ход и поняли: это мы
Тюрьму воздвигли для себя, и вот — разметали дом.

○

Твой разум был туман сплошной, теперь ты стал
мудрецом,
В огне ты видел шар земной, теперь ты стал мудрецом,
Ты чад истории самой на кухне ее вдыхал
И знаешь занятых стряпней, теперь ты стал мудрецом.

ДИСТИХИ

Дистихи, смело вперед...
Геге

1

Пан и Дельфийский оракул поэтом тебя не признают
Подлинным, если тебе чужды твои времена.

2

Утро зардело над миром, когда уже был ты поэтом.
Время — за полдень. Теперь — должен ты стать
мудрецом.

3

Дар получил от Ирана, язык от Армении древней,
Но ты великий поэт благодаря Октябрю.

4

Гений твой поднял тебя над тобою самим и над веком.
Как не задохся твой дух в Веймаре жалком твоём!

5

Бури мудрец устранился. Не уразумел он, что это
К обожествляемой им дивной гармонии шаг.

6

В жизни дисгармоничной искал гармонии Гете, —
Так не Сизифов ли труд взять он хотел на себя?

7

Как свою душу ковать, чтобы в ней воплотилось бывшее,
Но в настоящем она стала всех новшеств новей?

8

Данте, Гомер и Пушкин, вчера вы засеяли поле.
Вам же принадлежит жатва грядущего дня.

9

Если ты жизнь исчисляешь со дня своего рожденья,
В день кончины твоей этот закончится счет.

10

Если ты хочешь прожить на свете дольше мгновенья,
Мни себя только звеном — не головным, не в конце.

11

Чувствами век мой богат, и думами, и делами,
Мог лишь слепец или дурак нищим остаться у нас.

12

Много раскрыли мы тайн, что вчера были темной
Жизнь оттого не скучней, стала лишь глуже она.
загадкой.

58

13

Сколько сложнейших вопросов, неразрешимых когда-то,
Просто разрешены в непримиримой борьбе!

14

Понял ли ты наконец, что вопрос содержания и
формы —
Хлеба вопрос и земли? В битвах решается он!

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг в мой трудный век,
Когда все рушилось, что камня и металла
Веками почитал прочнее человек.

Я памятник себе воздвиг из вещей дум
И песен яростных, звучавших в сердце века,
Как буря роковой неукротимый шум.

Я в Карсе был рожден, и хоть Ирана зной
Жег душу, как тоска по родине прекрасной,
Стал родиной моей весь этот мир земной.

ВИТРИНА ДНЕЙ И СОБЫТИЙ

Витрина
Дней
И событий, —
В ней
Сердце мое
Под стеклом,
Хотите —
Отдам!
Берите!

На что мне
Кровавый ком,
Как шут Кико,
Беззащитный?
Теперь у меня
В груди —
Греми,
Барабан гранитный,
Зурна из железа,
Гуди!

Не ранить вам
Сердца такого
Всей злобой своей,
Как ножом,
Когда
Вы придете
Снова
Плясать
На сердце моем.

25 — 26 ОКТЯБРЯ 1917

Фрагмент

*Где над возвышенным крыльцом,
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые...*

А. Пушкин

Хмур небосвод. Нева, мутна,
О берега устала биться.
Как дым, тумана пелена
Густеет над водой. И мнится —

Во мгле незримая рука
Дворцы расшатывает трудно.
Доносится издалека
Каких-то шествий гул неясный,
Еще подспудный, но уже
Неотвратимый и опасный.

Хмур небосвод. Там, вдалеке,
Где волны катят по реке
Сердцебвенье непогоды,
Осела, раздвигая воды,
«Аврора».
Как гигантский пес,
Раскинулся дворец унылый,
Магической лишенный силы.
И ужас нарастает. Страх
Ожесточается, густеет
И тяжелеет на глазах.

И ужас нарастает. Там
За Зимним, где неподвижным львам
Стоять империя судила,
Тем львам, которых с дивной силой
Воспел поэт, столь милый нам,
Темнеют пушки. Пред одной,
С винтовкою, в руке зажатой,
Застыла женщина, объята
Тревогой. Тонкая рука
Сжимает из последней силы
Винтовки скользкое цевье.
Но кто поставил здесь ее?

Дыханье севера сырое
Пронизывает до костей.
Она глядит перед собою,

Но враг еще не виден ей.
И нарастает ужас.
Что же
Здесь делать ей? Еще она
Так молода — и страх до дрожи
Ее доводит, и бледна
Стоит она у пушки этой.
Так почему своей приметой
Лицо ей обозначил страх?
Зачем и по чьему веленью
Она — с винтовкою в руках —
Здесь — в эти грозные мгновенья?
Поодаль от нее, в тумане,
Ее любимец Александр,
Предмет восторженных мечтаний,
Кумир, в которого она
Так беззаветно влюблена,
Что в героическом дурмане
Против «орды» большевиков
Она воюет столько суток...
Хоть близко трубадур ее,
Но ей и самый воздух жуток,
Находит страх, как забытье,
Туман клубится над дворцами,
И эта женщина, с лицом
Камен, с мертвыми глазами,
Измученная страшным сном, —
Нет, явью, — женщина-ребенок,
Теперь одна из амазонок,
Которых целый батальон
Решил спасти от посрамленья
Дворцы, где помнит царский трон
Екатерины развлеченья.
И нарастает ужас.

Там,
В его гордыне зримый львам,
Где грозного Сената стены,
Туман тлетворный и сырой
Подтачивает постепенно,
С протянутой вперед рукой
На этой площади просторной,
Взлетев стремглав на камень черный,
Как бы оброненный горой,
Могучий скачет верховой.
Там гневные смешались толпы
И смотрят сумрачно туда,
На морок площади Дворцовой.
Штыки вздымаются сурово.
Страх нарастает, как беда.
А ты теперь найдешь ли слово,
Чтоб о тумане песнь начать,
Восславить рушащую троны
Его клубящуюся рать?

И нарастает ужас. Бьет
Озноб тревожные мгновенья,
И конь под тяжестью Петра
Качается в изнеможенье.

И нарастает ужас . . . . .
В том
Туманном далеке, где днем
И ночью воды бьются сонно,
Стоит большой, белоколонный,
Высокий дом. Когда-то в нем
Был тихий монастырь, потом
Учились розовые девы
Мечтать, любить и ревновать,
Кадриль плясать и повторять

Сентиментальные напевы —
Всему, что почитала знать
Прямой особенностью женской.
Теперь здесь штаб борьбы вселенской.
Куда ни глянешь — там и тут,
И в комнатах, и в коридоре,
И перед домом на просторе,
Шинели серые снуют.
Вот выстроились пулеметы,
Вот оцетинились штыки,
Вот входят с грохотом в ворота
Артиллерийские полки.
Здесь армия обосновала —
Невиданная — лагерь свой.
Настанет час — и грянет бой.

Вот человек в одной из комнат.
Он оживлен. Перо в руках.
Века глаза его запомнят,
Усмешки огонек в глазах.
Порою в двери входят люди.
Всем телом повернется он,
Вошедшего окинет взглядом —
И вновь в работу погружен.
Два красных часовых у двери.
Поглядывая и на них,
Он пишет.
Но его работу
Вдруг прерывает телефон,
Он трубку с полуоборота
Берет. Высокий лоб забота
Заметно омрачает. Он
Прислушивается, но вскоре
Вновь у него огонь во взоре:
«Аврора»? Слышу. Не сдаются?

Уже хотите... Что? Стрелять?..»
Одна секунда промедленья,
Веками кажутся мгновенья.
Секунду размышляет он,
К губам он трубку приближает,
«Стреляйте!» — отдает приказ.

Час грянул. Ужас нарастает.

МОЯ УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Рано-рано проснись поутру,
Чуть рассвет затеплится — встань
И увидишь звезды голубой игру,
Осиявшую раннюю рань.

Так же имя твое в былом
Засияло, Чаренц, светло.
Что за бездна его поглотила потом?
Что звезду с высоты свело?

Нет, не солнца горячий луч
В ранний час погасил звезду.
До зари еще темное воинство туч
Поднялось тебе на беду.

И звезда погасла во мгле,
Закатилась в бездонный провал.
Жажда песни томила сердца на земле,
Но Парнас —
Без тебя ликовал.

ОВАНЕС ШИРАЗ

СИАМАНТО И ХАДЖЕЗАРЭ

Поэма

*Пока выпадает роса на цветы —
Любуешься блеском земной красоты.
Пока по горам пробегает лань —
За нею, охотник, стремишься ты.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Народа светлая душа открылась до глубин,
И я любовно зачерпнул живой воды кувшин.

Я на созвездья в эту ночь возвел глаза свои,
И сердце юное мое проснулось для любви.

Казалось, от высоких звезд пахнуло ветерком.
Хаджезарэ, Сиаманто ко мне пришли тайком.

Стон их страдальческой любви мне в грудь стрелой
проник,
И замутила соль их слез моих стихов родник.

Они смотрели мне в глаза из тьмы былых времен,
И был отчаянием их мой разум опален.

Я повесть горестной любви прочел в глазах у них,
Сиаманто, Хаджезарэ оплакивает стих.

Как будто я свою любовь, тоскуя, схоронил
И на тернистую тропу в глухую ночь вступил.

И мнится: армянин-чабан во сне, в такую ночь,
На склоне горном повстречал курдянку, бека дочь.

И был их тайный поцелуй, как ветерок, несмел,
Да только тернии одни достались им в удел.

Подобно каплям дождевым в пустыне, без следа
Они, сердец не утолив, исчезли навсегда.

А ну-ка, девушки, за мной! На розыски пойдем
Путем стиха, путем любви — сверкающим путем!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Косматой буркой тьмы ночной окутался Сипан,
В тот час, когда Сиаманто разбил пастуший стан,
Под грубым войлочным плащом забылся крепким сном,
А ветер песню пел, как мать, над спящим чабаном.
И месяц трепетный, как лань, покинул облака
И шею вытянул — воды испить из родника.
Но испугался, отбежал и спрятался во тьму.
Не показался ли чабан охотником ему?
А между тем чабан во сне сбегал с уступов скал,
Ему дорогу к роднику шиповник уступал.
Вдруг видит — молодая лань скрывается в кустах,
И в сказочных ее глазах — доверчивость и страх.
Но — чудо! — в девушку пред ним преобразилась лань.
— Оставь свой лук! Я жизнь твоя. Не убивай, не рань!
Упал на землю звонкий лук и тонкая стрела.
— Какой дорогой ты ко мне, красавица, пришла?

— Я шла дорогою любви, — она ему в ответ,
И, с пальца сняв, дает кольцо, как верности обет.
И он, как верности обет, дает свое кольцо,
Целует милую свою и смотрит ей в лицо.
И мнится: он с кольцом вручил судьбы своей звезду,
И шепчет:

— В горы, на дуга тебя я поведу! —
И хочет молодой пастух любимую обнять,
Но слышит он хрустальный смех — и лань пред ним
опять.
Взметнулась, бросилась бежать, исчезла между скал...
Рванулся вслед Сиаманто, споткнулся и упал.
Споткнулся и проснулся, и — увидел звезды он,
И веки снова он смежил, и снова — тот же сон.
Предстала милая ему и сгнула тотчас...
Семь раз ловил он эту лань, семь раз терял из глаз,
Семь раз он видел тот же сон, все тот же сон семь раз..

Во сне обманывают нас любовные мечты,
Но если сбудется твой сон, то дважды счастлив ты!

2

Пылающего солнца шар из дымных ванских вод
Авахорик-гора берет и на плечо кладет,
Потом его несет Вараг, а после Цовасар
Берет на мощное плечо красногорящий шар. ,
Затем сменяет их Арнос, и так же в свой черед
Сияющую эту кладь Гргуру отдает;
Доносят до Сипан-горы; и на Сипан-горе
Пылает солнце; дол внизу алеет на заре.
У ванских вод, как богатырь, покинувший ночлег, —
Сипан, и на его плечах, как полотенце, снег.

Вокруг порхает ветерок и свищет птицам в лад,
И скалы бурые у ног, как буйволы, лежат.
Осыпан утренней росой лугов цветной ковер...
Открыв глаза, Сиаманто спросил у скал и гор:
— Куда умчалась лань моя? Где мой чудесный сон,
Моя любовь, с которой я навеки обручен?
Как сжался детский рот ее, когда схватил я лук —
«Не убивай! Я жизнь твоя!» — и убежала вдруг.
А где заветное кольцо, которое во сне
Она сняла с руки своей и подарила мне?
И горько усмехнулся он, отару вверх погнав.
И точно дети, на лугу среди цветов и трав
Ягнята разбрелись кругом, затеяли игру,
И влажной свежестью земля дышала поутру.
И зачерпнул воды пастух, склонясь над родником,
И отразил его лицо зеркальный водоем,
Как будто солнца смуглый лик был повторен водой...
И зазвенел хрустальный смех русалки молодой.

3

Сюда, к подножию горы, в заветный день весны,
Как лани, девушки спешат, обычаю верны,
И поверяют роднику под звон его струн
Свою любовную тоску, желанья свои.
По горло лебединое
Наполнит он кувшин.
Все тайны их любовные
Он ведает один.

4

Отара по Сипан-горе широко разбрелась.
В тени скалы Сиаманто сидит, облокотясь,
Глядит, как девушки идут с кувшинами в руках,

И розы юности цветут на смуглых их щеках.
Нарядами их яркими по край озарена
Долина, словно радугой...

И говорит одна:

— Ты, заветный мой родник!
Ты, приветный мой родник!
О, когда б к моей подушке
Мой возлюбленный приник!
Не по сердцу мне старик!
Пусть горит в огне старик!
Не седого —
Молодого
Приведи мне, джан-родник!

Вздыхнул пастух Сиаманто и сон припомнил свой,
И взял свирель, чтобы созвать овец на водопой.
А может статься, и затем он в руки взял свирель,
Чтоб сердце девичье вдали откликнулось на трель.
Пленительно и сладостно звучал его призыв.
Притихли овцы, пастуха покорно окружив,
Не трогая травы, стоят, в глаза ему глядят,
И словно в плен взяла свирель резвившихся ягнят.
А два барана, что пред тем сошлись, как два врага,
Забыли гнев, разъединив могучие рога.
Покуда спорила свирель с журчанием ключа,
С горы сбежали овцы вниз, копытами стуча,
Воды студеной напилась и повернула вспять,
Едва подул Сиаманто в свою свирель опять.
Опять напев его течет с горы, как дикий мед,
Ягненок, отыскавший мать, он к сердцу мягко льнет...
Звонит свирель, поет свирель, томления полна.
Отара движется, клубясь, как за волной волна.
С губами разлучив свирель, с горы взглянул пастух,
И сердце сжалось у него и захватило дух.

У родника — красавица — из памятного сна...
Нет, не она, та — сном была... Нет, это не она!
А девушки над родником склонялись тростником,
И пела каждая из них о суженом своем:

— Полднейного солнца луч
Дрожит в роднике.
Желанный, приди, не мучь!
Сгораю в тоске.
Возлюбленный мой, явись!
Приди хоть на миг!
Уста мои запеклись,
А ты — как родник.

Мой сокол, моя беда,
Приблизься ко мне!
Во сне ты со мной всегда,
Всегда во сне!

Взволнован был Сиаманто призывной песней той,
А девушки глядели вверх, сверкая красотой,
Не поглядела лишь одна, закутанная в шелк.
— Суровой кажется она. И не возьму я в толк —
Такою ли была во сне луна мечты моей —
Красавица — всех роз алей и лилий всех белей?
Но что ж не кажет мне лица та, стройная, в шелку?
Смущенье прячет от меня, веселье иль тоску?
Стоит, потупясь у ключа, не подымает глаз.
Сняла бы свой кувшин с плеча, взглянула бы хоть
раз! —

И в сердце у него кипит нетерпеливый хмель.
— Взгляни! Взгляни! —
И он берет певучую свирель,
Чтоб девушка свое лицо явила, не тая.
Играй, играй, Сиаманто! Здесь жизнь и смерть твоя!

И хочет он в свирель вдохнуть свой затаенный стон
И незнакомке рассказать свой семикратный сон.

— Ты девушкой была во сне,
На скалы ты звала во сне,
Ты ланью резвою была
И в плен меня взяла во сне.

Я ото сна восстал во сне,
Тебя я обнимал во сне,
Поцеловал тебя средь скал,
Мне сон судьбою стал во сне.

Он большей страсти никогда вдохнуть в свирель не мог
И золотым ключом открыл души ее замок.
Когда ж свирель к его ногам упала, как слеза,
Все девушки на пастуха вновь подняли глаза,
Уже невластные свое осилить забытье,
И мнилось каждой: на горе — возлюбленный ее.
Когда ж пред ними колдовской рассеялся туман,
То каждая над родником склонила гибкий стан.
И только та, в шелку, одна кувшина не сняла
И, песней заморожена, к воде не подошла,
Но вверх взглянула... И глаза сверкнули, как мечи.
Не Ванское ли озеро так светится в ночи?
Не это ли, поистине, живой воды купель?
Войдет в купель январь седой, а вынырнет апрель...
Она — как деревцо весной — стоит над родником,
Два артаметских яблока под шелковым платком,
Стан — словно шея лебеда зеркальных ванских вод, —
Кто обовьет его рукой — бессмертье обоймет.
Но крепко стягивает стан узорчатый кушак,
Чтоб эту крепость невзначай не взял коварный враг.
Лицо ее — как молоко и розы на заре.
Такоу увидал пастух свою Хаджезарэ.

Хаджезарэ — Снаманто — что солнце и цветок.
Трепещет девушка, попав, как горлица, в силок.
Он глаз не в силах отвести от милого лица.
Без слов клянутся в верности их юные сердца.

Спросил Снаманто, смеясь, хоть и горел в огне:
— Не ты ли, девушка, во сне являлась ланью мне?
Когда и впрямь я угадал, и вправду было так,
Дай мне тогда воды испить, пусть это будет знак. —
Она сняла кувшин с плеча, и, как побег плюща,
Всем телом тянется к нему, в смущенье трепеща.
И, трепеща, берет пастух кувшин из тонких рук,
Боясь, что «обознался ты!» она промолвит вдруг.
— Мне снилось: ты — стрелок, я — лань.

Так суждено судьбой,

Чтоб не во сне, а наяву мы встретились с тобой. —
Сказала — точно ветерок спорхнул с вишневых уст, —
Так нежит песней соловей любимой розы куст.
Сказала — и скользнула вниз, и к роднику идет,
А сердце рвется из груди, как птица из тенет.
— Водой любви не утолить, уж лучше мы уйдем! —
Смеясь подружки говорят:

— Останься с ним вдвоем!

У студеного ключа
Никнет яблонька, шепча:
«Ах, любви хмельная влага
И сладка и горяча!»
Ты обет ключу дала,
Косы туго заплела.
Хвать-похвать — свирель пастушья
Сердце в горы увела.

Свои кувшины девушки уносят, щербеча,
И только лань-Хаджезарэ осталась у ключа;
Хоть и наполнен до краев ее кувшин давно,

В кувшине этом — не вода, — любовное вино.
Опомнилась — и, поглядев испуганно вокруг,
Легко скользнула за толпой смеющихся подруг.
Им вслед чабан Сиаманто глядел до той поры,
Пока не заслонило их плечо Сипан-горы,
А ветер кудри чабану ерошил, теребя.
Несносный ветер, перестань, ему не до тебя!
Поет свирель Сиаманто, и капли сладких слез
Украдкою роняет в дол морщинистый утес.

5

Снега с чела Сипан-горы не сходят круглый год,
Все жарче сердце чабану любовный пламень жжет.
Нет, старый бек не столь жесток, чтоб нам разбить
сердца.

Пойду, в селенне спущусь молить ее отца.
Пришел к хозяину чабан, снял бурку и кинжал.
Смиренно к сердцу своему ладонь, склоняясь, прижал.
— Что скажешь мне, Сиаманто, зачем пустился в путь?
Уж не с отарой ли беда? Иль просишь что-нибудь?
— Все хорошо у нас в горах, но я не утаю,
Что худо сердцу моему. Отдай мне дочь свою!
— Как ты сказал? —
воскликнул бек. —
— Да ты сошел с ума!

И впрямь к волкам, почуяв смерть, коза идет сама!
С чем ты пришел? Ты ниц и гол. Ступай отсюда прочь!
Не меньше тысячи овец я требую за дочь.
Сам именитый Азиз-бек заплатит мне калым —
Отборных тысячу овец! Я сговорился с ним.
— О, пощади! — сказал чабан: — Хаджезарэ во сне
Взяла себе мое кольцо, свое — вручила мне.
— Какие кольца! — крикнул бек и обнажил кинжал;
Но волю гневу своему он потому не дал,

Что услышал он легкий шаг: как чуткая газель,
Скользнула к двери дочь его и заглянула в щель.
И прикусил отец язык, догадкой потрясен,
И приказал он пастуху:

— Ступай отсюда вон! —

Ты о моей Хаджезарэ и говорить не смей!
Сгинь, безрассудный, как стрела в горах среди камней!
Не для тебя, хоть ты и смел, растил я эту лань.
Ступай! О дочери моей и думать перестань!

— Нет, мне моей Хаджезарэ не позабыть вовек! —

— Ты говоришь — не позабыть? — как барс, взъярился
бек.

— Тогда в родимой стороне тебе не жить, чабан!
Сипан покинешь, Цовасар и полноводный Ван.
Ступай, презренный человек! Не забывай о том,
Что не роднится знатный бек с ничтожным пастухом!

О

И в тот же день другой пастух отару бека пас.
На синий Ван Сиаманто глядит в последний раз.
Поет послушная свирель все горше, все нежней,
И точит слезы изю всех семи своих очей.

Отец мой, Сипан, прощай,
И матушка, Ван, прощай!
Вовек не забуду вас.
Пастуший мой стан, прощай!

Ярится бек — все равно,
Случится, что суждено.
Навесь на двери замок, —
Кто любит — уйдет в окно.

На голову Сипан-горы осенний пал туман,
Когда покинул склон ее Сиаманто-чабан.

Скорбит чабан Сиаманто один в чужом краю,
 Оставив с коршуном-отцом любимую свою.
 В селенье старый Зарех-бек увещевает дочь:
 — Развеселись, Хаджезарэ. Что хмуришься, как ночь?
 Не сердце, — разум и расчет к довольству нас всдут.
 И вешает на шею ей тяжелый изумруд.
 — Ты знаешь, Азиз-бек давно от нас ответа ждет.
 Его стада — что частый лес, казне — потерян счет. —
 И в сердце у Хаджезарэ погас надежды луч,
 Она трепещет, словно лист:

— Оставь, отец, не мучь!

Когда б он золотом устлал всю землю предо мной,
 То и тогда бы не назвал меня своей женой.
 А пастуха Сиаманто не прогоняй, отец.
 При нем ни разу серый волк не уносил овец
 И не пытался вор угнать овец твоих, не то
 Вернула бы отару вспять свирель Сиаманто.
 О, возврати его, отец! А я тебе клянусь,
 Что если кликнет он меня, и то не оглянусь. —
 — И слезы и мольбы твои пойдут ему не впрок.
 Гляди-ка, чтобы алый твой не почернел платок. —
 — О нет, останется платок июньских роз алей.
 Верни его, не гневайся и дочку пожалей. —
 Но сердце коршуна-отца молчит, окаменев,
 И жалобы Хаджезарэ в нем будят только гнев.
 — Я думать запретил о нем, так помни мой запрет,
 Иль проклянет тебя отец. Страшней проклятья нет.
 Чабан твой, как нечистый дух, скитается среди скал,
 На беков точит свой кинжал, — разбойником он стал. —
 И разжигает Зарех-бек потухший свой кальян.
 — К лицу ль курдянке жениха искать среди армян?
 — Отец, отец, его ко мне обратно призови,
 Пусть напоит мою весну река его любви.

Отец, верни Сиаманто, не то всему конец.
За кровь мою, за жизнь мою ты хочешь взять овец.

7

От сна Хаджезарэ встает с заплаканным лицом.
Все тот же сон: Сиаманто приходит за кольцом.
Но все же хоть во сне он с ней и дня отрадней ночь,
А белым днем Хаджезарэ уже совсем невмочь.
И чувства хочет побороть и память обмануть:
— Да, разлюбила, и сюда ему заказан путь... —
А масло примется сбивать — забудется, грустя,
И грезит: в люльке перед ней — его любви дитя.

— Слышен сердца страстный стук.
Грудь моя — прекрасный луг.
Полно спать на твердом камне.
Приходи, несчастный друг!

Ягненка на руки возьмет, к груди прижмет, и вот
Беспомощная, как дитя, и плачет и поет:

— О, белоснежные мои,
Ягнята нежные мои,
Скитальца ждете вы со мной,
О, неутешные мои!

Родная ванская волна,
Седая ванская волна,
Скитальца ты со мною ждешь,
Рыдая, ванская волна.

Моя нагорная тропа,
Крутая, горная тропа,
Скитальца ты со мною ждешь,
От горя черная тропа.

И ты, высокий мой Сипан,
Каменнобокий мой Сипан,
Со мною ты скитальца ждешь,
Туманноокий мой Сипан.

Вспоивший лозы, мой родник,
Взрастивший розы, мой родник,
Со мною ты скитальца ждешь
И точишь слезы, мой родник...

Но от любимого ручей привета не принес,
Течет он, словно из очей потоки горьких слез,
Как будто милый слезы льет, пробравшись к ней тайком,
И целый день Хаджезарэ стоит над родником.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Зима прошла, цветет весна, томления полна,
Не снег, а лебедей несет озерная волна.
Кочевник о любви поет, поднявшись в горы вновь.
Земля, и звездный небосвод, и солнце — все любовь.
Любовь умершая встает, глаза-цветы подняв,
Любовь бессмертная цветет в венце из роз и трав.
Один пастух Сиаманто от родины вдали
Тоскует по живой красе отеческой земли,
О девушке Хаджезарэ скорбит Сиаманто, —
То бродит по Вараг-горе, стреляя дичь, а то
С кочевниками на Бингёль восходит, ждет вестей,
Никак не может позабыть возлюбленной своей.
Но птицы не поют о ней, не говорит родник,
И он не верит, что родник от слез ее возник.

— Недаром, видно, с той весны прошло семь долгих лет.
Она — дочь бека. До меня давно ей дела нет, —
Вздыхал скиталец. И не раз, один в ночной тиши,
Свирели страстной поверял тоску своей души.

— Там, в родимой стороне,
Розы дышат в сладком сне.
Мне весна зимы не краше,
Я не радуюсь весне.

Нет горы моей родной,
Нет овец моих со мной,
Нет со мной моей любимой,
Больше нет весны весной.

Рыдала скорбная свирель у пастуха в руках
О том, что лучшие мечты судьбой разбиты в прах.
Звучала песня пастуха все горше и грустней,
И звери дикие в горах прислушивались к ней.
А ветер песню разносил и повторял вдали,
И как-то раз олень и лань на звук ее пришли.
Внизу в ущелье, под горой, стоят окаменев,
Как будто их зачаровал властительный напев.
И натянул Сиаманто тугую тетиву,
Но вспомнил давний сон... и лук роняет на траву.
— Лань быстроногая, твоей завидую судьбе.
Тебе ни в чем запрета нет, и нет преград тебе. —
Свирель стонала, слезный ток бежал ему на грудь.
До света он решить не мог, куда направить путь.

— Есть много путей. Все земные пути
Приводят куда-нибудь.
А мне, скитальцу, куда идти?
Кто мне укажет путь?

Где счастье мое, на пути каком?
Созвездья, скажите мне!
Я гибну без милой в краю чужом,
Сердце мое в огне.

Недобрый сон терзал всю ночь скитальца-чабана:
Хаджезарэ любимая с другим обручена.
Колдунья-ночь порою нас морочит лживым сном,
Но звезды истины подчас заискрятся и в нем.
И оседлал коня чабан и, как в тяжелом сне,
Семь дней и семь ночей скакал на взмыленном коне.

— Ветер летучий,
Дай крылья коню!
Птицы и тучи,
Я вас догоню!
Дай мне дорогу,
О, каменный край!
Скалами — лога
Не преграждай!
Еду за милой
Врагам на беду,
Или могилу
Себе найду.

И наконец завидел он родник свой дорогой,
И манит всадника Сипан отеческой рукой:
— Где пропадал, скиталец мой? —

Лепечет ветерок.

Ван перед ним — как синий глаз, а остров Круц —
зрачок.

Вот девушки над родником пестреют, как цветник,
Но розы — нет, и острый меч в грудь пастуха проник.
Он к Цовасару держит путь, — нигде любимой нет.
О вести встречных молит он, но все молчат в ответ.

И кто поведает ему — что с ней и где живет?
Разбойником Сиаманто на родине слывет;
Расскажешь про Хаджезарэ — прогневается бек...
Эй, слишком поздно ты пришел, несчастный человек!

— О люди, скажите, кто видел из вас
Глаза, что я так люблю?
Я кинусь в пучину любимых глаз,
Тоску свою утолю.

И кланялись ему цветы и плакали о нем,
А сердце неутешное тревога жгла огнем.
Смеркалось. Он спустился в дол. В селенье перед ним
Печальный вечер, не спеша, свивал лиловый дым.
Одна старуха в эту ночь дала ему приют.
Он пробудился на заре — и слышит: в бубны бьют
И весело звучит зурна.

— Что там случилось, мать?

То словно ветер шелестит, то нет его опять. —
— Ах, что сказать тебе, сынок. Пирует Зарех-бек.
Он дочку замуж выдает, а та бледна, как снег,
Дрожит под шелковой фатой и слезы льет ручьем,
Все не забудет, бедная, о пастухе своем.
Не взял жестокосердный бек Сиаманто в зятя,
И плачет роза день и ночь и кличет соловья. —
И снял чабан с руки кольцо, горят его глаза,
Как будто на его лицо надвинулась гроза:
— На свадьбу поскорей ступай, пусть в руку будет сон.
Кольцо невесте передай, ее отцу — поклон.—
Взяла старуха кишмиша, насыпала в платок,
А вместе с кишмишом кольцо вложила в узелок
И понесла надежды знак невесте в дар... И вот
Один сидит Сиаманто, в тревоге вести ждет.

Пленяет взоры Цовасар, светла Сипан-гора,
 Над Ваном высятся они, как два больших шатра.
 На горном склоне, где родник поляну пересек,
 Шатер, как бурку черную, раскинул Зарех-бек.
 Играют свадьбу на горе, пируют гости всласть,
 Там лань-бедняжку отдают убийце-тигру в пасть.
 Не слышно в шуме лая псов, у бека мутен взор...
 Старуха, не таясь, вошла к пирующим в шатер.

— Льются вина, длится пир,
 Беку мир принадлежит.
 Как ягненок, рабский мир
 У него в ногах лежит.

Так пели гости, захмелев, и пили до утра,
 И не глядели, кто вошел, кто вышел из шатра.

— Дочка бека, брось стыдиться,
 Выйди, выйди, песню спой!
 Ты, девица,
 Смуглолица,
 Точно персик золотой.
 Песню спой за чашей пенной!
 Твой жених — Азиз — бесценный.
 Между беков — бек Азиз,
 Как среди гор — гора Масис.
 За тебя недаром дали,
 Ровно тысячу овец,
 Меньше стоишь ты едва ли.
 Пусть не ведает печали
 Досточтимый твой отец!
 Азиз-бека ты достойна.
 Стан твой, точно тополь стройный.

Подойди и рядом стань!
Ты — звезда кочевий горных —
На веселье наше глянь!
Тысячу овец отборных
Молодая стоит лань!

Веселье шумное кипит, как мутный ток вина,
Плакучей ивою грустит Хаджезарэ одна.
Ей чашу красного вина коварный рок поднес,
И потемнело дочерна вино от горьких слез.
Хаджезарэ из-за стола встает, едва дыша,
Но все еще надеждою живет ее душа.
— Семь долгих лет не вижу я тебя, мой дорогой,
Ужель поет свирель твоя для девушки другой?
Овец крадешь и раздаешь, — так говорит отец.
Что ж азизбековских овец не тронешь, удалец?
Бесстрашно ты для бедняков пустился на грабеж.
Так что ж за мною не придешь, меня не украдешь?

Песня твоя семь печальных лет
У меня на устах.
Срезанной розы поблекший цвет
У меня на устах.
Если и вправду разбойник ты —
Увези меня.
Имя твое — слаще звука нет —
У меня на устах.

Взял бы ты меня, милый, к себе на грудь, —
Я любовью больна.
Обручат, увезут меня в дальний путь, —
Я в судьбе не вольна.
Завтра будет уж поздно меня вернуть, —
Я в себе не вольна.

Станет черным замком брачный мой обет
У меня на устах.

Был пьяным гулом заглушен ее любви призыв.
Так море бурное ручей вбирает, заглушив.
Невесты шелковый наряд был красен, словно мак,
А в сердце трепетном ее сгустился черный мрак.
Лежала горьких слез роса на розах губ и щек,
Лишь поцелуй Сиаманто их осушить бы мог.
Склонила голову она в кругу хмельных гостей
И вдруг, откуда ни возьмись, старуха перед ней.
Вручает ей подарок свой и шепчет на ушко:
— Желаю счастья, милая, — оно не далеко! —
Развязывает узелок невеста, не спеша,
Глядь — как луна меж звезд — кольцо блестит из
кишмиша.

И сердце у Хаджезарэ забилося горячо,
И клонится она без чувств старухе на плечо.
Спешит старуха заслонить бедняжку поскорей,
Невесте гладит жаркий лоб, воды подносит ей.
Пришла в себя Хаджезарэ:

— Скажи мне правду, мать,
Того, кто дал тебе кольцо, увижу ли опять?
Скажи, быть может, это знак, что в дальней стороне
Не хочет больше милый мой и думать обо мне? —
Старуха смотрит на нее с улыбкой на устах:
— В селенье нашем он сейчас, он у меня в гостях.
Проведал — замуж ты идешь, померк орлиный взор,
Знать, эта весть ему была как смертный приговор.
И говорит Хаджезарэ:

— Печален мой удел.
Я за немилото иду: отец того хотел.
Уже не первую жену волк Азиз-бек берет.
Неужто в логово его войду я в свой черед?
Скажи тому, кто дал кольцо: **Хаджезарэ твоя**

Семь долгих лет тебя ждала, потоки слез лия,
Скажи ему, что срок настал, — на утренней заре
К могиле матери своей пойдет Хаджезарэ.
Пускай спешит на Цовасар, пускай летит ко мне
Избранник мой, охотник мой на резвом скакуне.

Идет посланница домой, торопится принести
Душе, измученной тоской, целительную весть.

3

На Цовасар спустилась тень, и ветер при луне
Качает ночи колыбель в прохладной тишине.
Безмолвны горные хребты, и в призрачные сны
Селенья, крепости в горах, шатры погружены.
Лишь звезды в этот час не спят, они во мгле ночной
Сошли на лоно озера испить воды земной.
Дышала сонная земля благоуханьем трав,
Иль то любимая вдали дышала, задремав?
И в эту ночь Сиаманто средь чуткой темноты
Свою возлюбленную ждал у гробовой плиты
И думал:

— Мать в могиле спит, и плачет сирота,
По воле коршуна-отца в темнице заперта.
Весь мир в оковах, но любовь все цепи разобьет, —
И, по возлюбленной томясь, Сиаманто поет:

— Зарех-бек обманул народ:
Вором честный чабан слывет.
Бек свою красавицу-дочь
Пожелал обменять на скот.

Хочешь зятем зваться моим —
Заплати богатый калым.
Нет овец у Сиаманто,
Нищ пастух и горем палим.

Пусть я черствому хлебу рад,
Я любовью зато богат.
Иль не стоит моя любовь
Азизбековых тучных стад?

Он ждал красавицу свою, как ждут луну в ночи,
Но только утренней звезды увидел он лучи.
На камень сел Сиаманто, и овладел им сон.
Семь дней пастух провел в пути, и был он утомлен.
Семь дней и семь ночей летел на скакуне стрелой.
Был конь измучен, как его хозяин удалой.
И вот, едва коснулась ночь его горящих век,
Забылся сном Сиаманто, ведь был он человек.
И освежало жаркий лоб дыханье ветерка,
Как будто гладила его возлюбленной рука.
С умершей матерью во сне Хаджезарэ пришла.
Сказала мать:

— Возьми ее на быстрые крыла,
Умчи мою Хаджезарэ высóко на Сипан! —
Осталась дочь, а мать ушла, растаяв как туман.
Цветок с волшебного куста Сиаманто сорвал,
На огненного сел коня и прынул выше скал.
Над синим Ваном скачет конь и рвется в высоту,
Летят они с Хаджезарэ по лунному мосту.

4

Как бурку, скинул Цовасар ночные облака,
Но крепко спал Сиаманто под шепот ветерка.
А ветерок твердил:

— Вставай, скорей вставай! Вот-вот
К тебе нагорною тропой любимая придет! —
А он с возлюбленной летел на огненном коне,
Над Ваном проносился он в своем волшебном сне.

Выходит солнце красное из дымных ванских вод.
Его берет Авахорик и на плечо кладет,
Потом его несет Вараг, а после — Цовасар
Берет на мощное плечо красногорящий шар
И на Арнос кладет. И вот — на утренней заре
По склону девушка идет к могиле на горе.
И точно алый горный мак горит ее наряд,
На красный подвенечный шелк накинут черный плат.

— Я иду по тропе,
Любовь тая,
Словно в бреду.
Не узнаешь и ты,
О, тропа моя,
Куда иду.
Мой любимый придет
На страстный зов,
Встретит меня.
Я услышу сейчас
Серебро подков
Его коня.

Тропой спешит Хаджезарэ, уйдя от зорких слуг,
От шумных свадебных гостей, докучливых подруг.
Вдруг — видит: спит Сиаманто, и вздрогнула она,
И сыплет молнии из глаз, печальна и гневна.
— Вот какова его любовь! Он видит сладкий сон,
Хотя своей Хаджезарэ и не дождался он.
Кто любит, тот не станет спать, на страже тот, когда
Его избраннице грозит смертельная беда. —
И сердится, и сетует, мешая скорбь и гнев,
Могилы матери своей от слез не разглядев.
— Влюбленный, даже если спит, услышит легкий хруст,
Во сне от ветра отличит дыханье милых уст.
А ты? И чем сразишься ты с врагами наяву?
Не из косы ль моей совьешь тугую тетиву?

Где лук твой звонкий? Где твой конь? Где твой
булатный нож?
Как — безоружный — лань свою от недругов
спасешь? —

— Хаджезарэ! —

Кричит отец, ища ее в горах.
И сердце девушки стеснил неодолимый страх.
— Спи, милый, — шепчет, — крепче спи, не то всему
конец!

Тебя на части разорвет жестокий мой отец.
Пускай на брачную постель я лягу без любви,
Пускай умру я поутру, но только ты живи!
Спи, спи... —

И клонится к цветам, как будто гладит их,
И падают к его ногам две бабки золотых.
Так, не коснувшись милых губ, желанью вопреки,
На зов отца Хаджезарэ спустилась в дол тоски.

5

Блистая, солнце поднялось над седной вершин.
Открыл глаза Сиаманто и видит — он один.
Две бабки золотом в траве блеснули перед ним,
Он взял их и спустился в дол, отчаяньем томим.
— Я долго ждал Хаджезарэ, и впал я в забытье, —
Старухе, плача, он сказал.

— Проснулся — нет ее.
Ужель обманщица она? Молю, ступай к ней вновь.
Как пташка малая в гнезде, подстрелена любовь.
Возьми две бабки золотых. Я их нашел меж трав. —
Игрушки старая берет, их тайну разгадав.
— Она была, Сиаманто, с тобою в эту ночь,
Но увидала — ты заснул и убежала прочь.
А бабки бросила в траву, за оскорбленье мстя.
Ведь эти бабки говорят, что ты еще дитя.

Не сокол, не отважный муж, и что тебе под стать
Не воевать и не любить, — с мальчишками играть.
Не сердце у тебя в груди, а недозрелый плод.
Она права, Сиаманто. Кто любит — не заснет.
Спроси у сердца своего: ты сам себе не лжешь?
Не так, не так в былые дни любила молодежь.
Да, было время... Но себя расхваливать смешно.
Где смоль тяжелых кос моих? Они белы давно.
Как лук, согнулся стройный стан. Старуха я сейчас.
Бывало, семь ночей подряд я не смыкала глаз,
Любимого, бывало, жду в смятенье и в огне.
А сколько юных удальцов вздыхало обо мне!..
И вот — присватался ко мне жестокий Зарех-бек,
Но пощадил меня отец, не загубил мой век.
Любовь дороже тучных стад и золота ценней. —
— Твои слова — мои слова. Будь матерью моей. —
— Что — мать? Когда б ты возвратить возлюбленную
мог! —
— Ушла... Разгневалась она.. —

— А впредь не спи, сынок.

Любовь и счастье променял ты на короткий сон.
Охотник, упустивший дичь, какой охотник он?
Нет, настоящая любовь не дремлет никогда.
Не так, не так любили мы в минувшие года! —
И покраснел Сиаманто и названую мать,
Одной мечтою одержим, стал страстно умолять:
— Пред очи звездные ее в последний раз предстань.
Скажи: скорбит охотник твой, оплакивая лань.

6

И весть от милой принесла старуха дотемна,
И эта весть как поцелуй была для чабана.
Сказала так Хаджезарэ: — Когда в его груди
Горит по-прежнему любовь, скорей к нему иди,

Скажи: один остался день и есть один исход,
Наутро Азиз-бек меня венчаться повезет,
Так пусть прискачет на коне, пусть не щадит коня,
Пусть наяву, а не во сне похитит он меня!
Лети ко мне, Сиаманто, да не засни олять.
Не дарит счастья нам никто, придется счастье взять!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Как мудрый песенник-ашуг, поет родник в горах
О том, что если ты влюблен, тебе неведом страх.
Влюбленный из огня спасет избранницу свою
И, молнию схватив рукой, сразит орла в бою,
Из камня выжмет он вино, чтоб освежиться ей;
Во имя розы победит и тигра соловей...

Летит Сиаманто. Блестит Сипан издалека.
Исполнен силы гордый конь, как сердце седока.
И вот — развилина дорог. Он на распутье стал
И ждет, в раздумье погружен, среди высоких скал.

— Где курды верные мои? Ведь мы давно сродни.
От Зарех-бека убежав, живут в горах они.
У бедняков одна судьба, и путь у нас один,
Родные братья — бедный курд и нищий армянин.
Ужель не поспешат они — где вскачь, а где ползком?
Иль я не дóсыта поил их сладким молоком?
Иль резвых не давал коней — красавиц увозить?
Они клялись прийти сюда. Забыли, может быть? —
И вдруг он слышит посвист крыл и клекот над собой:

Голубку ястреба́ несут к вершине голубой.
Но тут орел, как молния, ударил из-за туч,
Отбил голубку — и парит, свободен и могуч.
— Ужели этого орла моя любовь слабей? —
И песню обращает он к возлюбленной своей:

— Опоясан отец твой цветом кушаком,
Мой отец с малолетства ходил босиком.
Как луна — та жена, что тебя родила,
Я от звездочки малой рожден бедняком.
Ты — садовый взлелеянный нежно цветок,
Я — суровый, пробившийся к свету росток,
Из-под мертвого камня к тебе я тянусь,
От огня твоего и красы изнемог.

Тут из ущелья грянул клич:

— Эй, где ты, побратим!

Откликнись нам, Сиаманто! На помощь мы летим.

Побратим побратиму, как родник, говорит:
Утолю твою жажду, если жажда томит,
Если горе нагрянет и приблизится враг,
Побратим побратиму — меч надежный и щит!

Бедняк опора бедняку и в горе и в борьбе.
Твою невесту отобьем и возвратим тебе! —
И кто-то шутит:

— Мы возьмем приданое зато! —

И голос подает в ответ чабан Сиаманто.
Опять в истерзанной душе надежда ожила.
О, братством освященный хлеб, хвала тебе, хвала!
И роет землю белый конь, завидя вороных,
Как буря мчащихся коней и всадников на них,
Мелькают молнии мечей и копий лес густой...
Навстречу — свадьба; вьется пыль, клубится пыль

фатой.

И всадник врезался в толпу, и дрогнула она,
 Как будто о крутой утес ударилась волна.
 К своей голубке дорогой, не глядя ни на что,
 Подобно горному орлу летел Сиаманто —
 Отвоевать у ястребов, умчать ее с собой...
 В испуге женщины бегут нестройною гурьбой,
 За ними — беки, кто куда... дрожит в смятенье враг.
 Угрозой смерти пренебрег Сиаманто-смельчак.
 Зовет свою подругу-лань охотник удалой.
 Но что там?.. Оступился конь иль он с коня — долой?
 И вскрикнула Хаджезарэ в опасный этот миг, —
 Как жаворонок в небесах растаял слабый крик.
 Но вихрем курды из теснин рванулись как один
 Туда, где вел неравный бой бесстрашный армянин.
 Они летят с семи сторон:

— Сдавайся, или смерти! —

От грома блещущих мечей затрепетала твердь.
 И встал с земли Сиаманто и на коня вскочил.
 Орлом двукрылым прежде был, теперь он — семикрыл.
 Кричит:

— Сдавайся, или смерть! —

Под ним играет конь,
 И пышет из ноздрей коня рубиновый огонь.
 Был воздух сечи раскален, смешались клич и плач,
 Вставали кони на дыбы, бросались кони вскачь.
 Казалось — плавился металл чеканного клинка,
 Лишь костяную рукоять вздымала вверх рука.
 И в бегство бросилась толпа. Ее в избытке сил,
 Как молния — ветвистый дуб, Сиаманто разил.
 Он копьё-ветви обрубал, как ловкий дровосек,
 Как ствол, лишившийся ветвей, остался Азиз-бек,

И только злоба — верный раб — еще была при нем.
Его покинул младший брат, бежал на вороном,
В ущелье спрятался, шепча зменные слова:
— Одним коварством серый волк осилить может льва! —
Летит, прозит Сиаманто сверкающим клинком,
И видит он Хаджезарэ у бека за седлом.
Рассвирепел Сиаманто и путь ему пресек,
И выпустил из цепких рук невесту Азиз-бек,
Когда его Сиаманто сразил одной рукой.
Обняв другую тонкий стан подружки дорогой.
Свою голубку спас орел.

— Вперед, мой конь, вперед! —
И резвый конь одним рывком трехдневный путь берет.

○

И не видал Сиаманто, любовью одержим,
Как черный всадник, словно тень, спешил вослед за ним.
В ущельях прятался глухих, таился между скал...
Обняв любимую свою, Сиаманто скакал.
Из жгучей раны кровь бежит, но в сердце — торжество:
Все то, чего он так желал, — в объятьях у него.
Он прошептал ей:

— Лань моя, ужели ты со мной? —

И, милую поцеловав, качнулся, как хмельной.
Уже далеко Цовасар, и глыбой серебра
В туманной сказочной дали встает Сипан-гора.
Седины родины пред ним — нагорные снега,
А позади — чернеет тень коварного врага...

3

Закат закончил в небесах лучистую игру,
Одежды синие гора надела ввечеру,
И по тропе среди цветов с возлюбленной вдвоем

Стремится вверх Сиаманто на скакуне своем,
Как будто к самым небесам для них проложен мост
И ждет их свадебный покров в живых алмазах звезд.
Там, где рождается родник, они с коня сошли,
Как будто на небе стоят далеко от земли.
Внизу осталась горечь слез, и смерть, и звон оков,
И доля горькая рабов, и козни злых врагов.
И жадно пьет Сиаманто привольный воздух гор,
На милую свою глядит, лучистый ловит взор.
Они раскинули шатер над самым родником,
И заглянули очи звезд в шатер любви тайком.
Огнем горит Хаджезарэ, шепча в тиши ночной:
— Никак поверить не могу, что ты и впрямь со мной. —
Тогда любимую свою поцеловал пастух.
Зардели щеки у нее и захватило дух,
Припала к милому на грудь, затрепетав она...
И тут русалкой поднялась над родником луна.
— Хаджезарэ! Любовь — гора. На ней — наш светлый
дом.
— Любовь — гора, Сиаманто! Мы на горе умрем.
— Твоя любовь — небесный рай, иного рая нет!
— Твой поцелуй — мой рай второй! —
Она ему в ответ.
— Так схожи родинки твои у губ и на груди! —
— Я — обе их тебе дарю. Они твои, приходи. —
И страстный шепот их в ночи так сладостно звучал,
Что мог бы музыкою стать, но поцелуем стал.
И семилетняя тоска объятья их сплела.
О, если б задохнуться в них и так сгореть дотла!
Ночь на Сипане, ночь любви, блаженной ночи мед!
Пусть поцелуев эта ночь с собой не унесет!
Утесы, воды и цветы, целуйтесь в эту ночь,
Свои любовные мечты не прогоняйте прочь!
Расплавилась в живом огне влюбленные сердца,
Как будто нет земли внизу и счастьем нет конца.

Ночь на Сипане, ночь любви — вся в лунном серебре.
Сиаманто, Хаджезарэ уснули на горе.

4

Владеет мудрый человек всем знанием земным.
Лишь одного не знает он, что завтра будет с ним.

5

Уже восхода янтари пылают на горе
И куропатка песнь свою допела на заре.
Лежит в шатре Сиаманто — еще во власти сна,
И сладко спит Хаджезарэ под буркой чабана.
Счастливому Сиаманто блаженный снится сон,
Что дым от очага его к Сипану вознесен,
А под Сипан-горой, в кругу цветущих сыновей,
Он трудится у ванских вод над нивою своей,
Растит наследников своих, сноровке их уча,
И косу точит он взамен разящего меча.
О счастье ветерок поет над лоном ванских вод.
И вот — Хаджезарэ идет, в руках лаваш несет.
И наземь косу он кладет, стирает пот со лба,
Срывает спелый колосок:

— Богатые хлеба! —

Вот сына младшего свирель звучит издалека.
Коров не много, а дают довольно молока.
Воздвигла осень на земле свой золотой покой.
Справляет свадьбу старший сын и льёт вино рекой.
И вот целует первенца Сиаманто во сне.
— А помнишь ли, Хаджезарэ, —

он говорит жене...

○

Во сне обманывают нас надежды и мечты.
Когда бы все они сбылись, как был бы счастлив ты.

Как ворон ветер утренний пронесся над шатром
И разбудил Хаджезарэ, задев её крылом.
И точно гром над родником раздался дикий рёв,
И топот множества копыт, и резкий треск рогов.
И капнула с её ресниц горячая слеза
На спящего Сиаманто, и он открыл глаза.

— Ты плачешь, милая моя? Чем ты огорчена? —

И, словно лилия бледна, ему в ответ она:

-- Мой милый, сладко я спала под буркою с тобой,
Вдруг сорок буйволов сюда пришли на водопой,
И сшиблись тут же грудь о грудь, рогами о рога,
И каждый тяжестью своей пытался смять врага,
И кровью раненых быков был замутнен родник;
Всех в этой схватке поборол один могучий бык,
Он, точно лук, вздымал рога, победой кончив бой.
На Азиз-бека он похож, убитого тобой,
В ущелье ближнем скрылся он, томит меня тоска,
И мнится: смотрит мертвый бек из черных глаз быка. —
Приникла к милому она, закончив свой рассказ,
Вскочил он, быструю стрелу метнув из гневных глаз.
— Я бека черного убью, убью того быка!
— Не уходи!

— Сейчас вернусь. Нарви цветов пока. —

В ущелье роковое он бежит, схватив копьё,
У родника оставив лань, сокровище свое.
И вдруг он слышит хищный свист — стрела летит
вдогон,

И вверх глядит, но никого в горах не видит он.

Он мыслит:

— Кто бы ни стрелял, пусть это даже бог,
Дорогу к счастью преградить и он бы мне не мог.
Но то не грозный бог хотел его сразить стрелой,
То Азиз-бека младший брат, засевший за скалой,

Коня оставил наверху — и под гору — ползком...
Невесту брата он мечтал ввести в свой черный дом.

○

Чабан в пещеру заглянул — и видит: перед ним
Стоит косматый черный бык, угрюм и недвижим,
Стоит в глаза ему глядит, огромный, как скала.
— Но что же в нем Хаджезарэ недоброго нашла?
Ужели проклята судьбой любовь моя навек
И впрямь из диких глаз быка глядит убитый бек?
Иль бека черная душа теперь и вправду в нем? —
И, словно молнией, быка ударил он копьем.
Проклятьем зашипела кровь, и дрогнул и поник
Под богатырскою рукой могучий дикий бык.
И выхватил Сиаманто чеканный свой кинжал,
Он сердце из груди быка для милой взять желал,
Но тут — иль острый бычий рог, иль новая стрела
Сиаманто свалила с ног и в пропасть увлекла,
На высохший корявый бук упал он с крутизны,
И в грудь мечом вонзился сук и вышел со спины.

6

А на горе Хаджезарэ любимого ждала,
Тревога в сердце ей вошла, как острая игла.
— Где ты, любимый? Возвратись к своей Хаджезарэ! —
А ветер воет:

— Ты одна на ледяной горе! —
— Где ты, мой молодой орел?
Ты куда от меня ушел?
Почему обманул меня,
Без подруги спустился в дол?

.97

Ждал меня ты семь долгих лет,
А теперь мне защиты нет.
Только ночь ты провел со мной
И покинул меня чуть свет.

И, трепеща, Хаджезарэ бежит с горы крутой.
Смотри: лежит сраженный бык. Но где охотник твой?
А под ногами у тебя, бездонна и дика,
Чернеет пропасть, точно глаз убитого быка.
И страшно вскрикнула она, едва взглянула вниз:
Там раненый Сиаманто на дереве повис.
— Ответь, кто погубил тебя? Я задохнусь от слез! —
— Моя судьба, твоя судьба... —

Из бездны донеслось.

— Как мне печаль мою стерпеть? Как буду жить
одна? —

И в косах смоляных ее сверкнула седина.
— Ужели это черный бык тебя рогами сбил?
Ведь ты копьем его пронзил! Ведь ты его убил! —
— Хаджезарэ, молчи о том, что я погиб в горах.
Пусть враг при имени моем испытывает страх.
Скажи — за ланями в леса ушел Сиаманто. —
— О нет, одна я — лань твоя, и более никто. —
Она вопит над пропастью и мечется вокруг.
— Хочу, чтоб и моей судьбы не знал ни враг, ни друг. —
И горе жгло ее огнем, ее бросало в дрожь.
— О, милая, в мой смертный час мне сердце не тревожь.
Не плачь! —

— Но как не плакать мне, когда изранен ты...

Пусть слезы не щадят моей ненужной красоты.
О, не стнай, Сиаманто! О милый мой, ужель
Умолкнет навсегда твоя певучая свирель
И наша светлая любовь исчезнет навсегда!
Я плачу, как твоя свирель. Коса моя седа.
Я опущу ее к тебе, а ты схватись рукой. —

И косу отсекала ножом и, привязав к другой,
Вниз опустила... но достать до бука не могла...
И горько плакала опять и волосы рвала.
— Оставь меня, Хаджезарэ, и уходи домой. —
— О нет, в объятых у тебя приют последний мой!
Мне крылья недруг перебил. Нет у меня гнезда.
Доныне снег на вешний луг не падал никогда.
Не засыпай один. Лечу в объятия любви.
— Оставь меня, Хаджезарэ, любимая, живи! —
Песнь погребальную она, как лебедь, завела,
И трепетала эта песнь, как белые крыла.
— В давно минувшие года от горьких слез армян
Под гордою Сипан-горой образовался Ван...
Пускай и ныне млад и стар оплачут твой удел —
Погиб смельчак Сиаманто. Сипан осиротел!
Поддай же голос мне в ответ на этот скорбный зов! —
Но отозвался только плач печальных родников.
Клубился снег, и ветер выл, и на Сипан ползла
Из-под нахмуренной скалы крутящаяся мгла.

— Громче, ветры, стенайте,
Косы мои оборвите,
Нет того, кто их сплетал-расплетал!
Вороны, налетайте,
Когти в глаза мне вонзите!
Мой супруг-жених спит средь черных скал. —

Вдруг черный всадник встал пред ней и бросил наземь
лук,

И закричал:

— Хаджезарэ, перед тобой супруг! —

И крутит ус:

— Приди ко мне! И плакать перестань! —

И смотрит на нее, как волк на загнанную лань.

— К лицу ль простому чабану жениться на тебе?

Своею меткою стрелой я подсобил судьбе.
Мой старший брат его рукой повержен был, а я
Зато возьму тебя с собой, о радость бытия! —
Но понапрасну тратит бек коварные слова.
Его не слушает она, от горя чуть жива,
И к бездне тянется, как лань, что к матери спешит.
— Приди на помощь, милый, встань! Ты — мой
надежный щит.
Взгляни, кто был твоей судьбой. Вот этот черный бык.
Опять пронзи его копьем, коварен он и дик!

Горе, горе мне! Кто видал,
Чтоб заколотый буйвол встал,
И два сердца, слитых в одно,
Врозь рогами он разметал. —

Склонясь над черной пропастью, она кричит в бреду:
— Мне место рядом приготовь! Мой милый, я иду! —
С открытыми глазами вниз бросается она
И разбивается внизу о скалы, как волна.
И в пропасти Сиаманто вздохнул в последний раз,
Увидев гаснущий огонь ее крылатых глаз.
И ветер веющий унес в далекие края
Предсмертный возглас, полный слез:
— Хаджезарэ моя! —
Навеки замолчал Сипан. И распростерла мгла
Над Ванским озером свои свинцовые крыла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Но в том ущелье роковом, едва весна придет,
Два мака скорбные цветут, как говорит народ.
Дотоле не было таких цветов среди лугов —
С сердечком траурным в венце кровавых лепестков.

Хаджезарэ — Сиаманто погибли в цвете лет,
Но в облике другом они явились вновь на свет.
Как яркий свадебный наряд, горят их лепестки,
А темные сердца таят следы былой тоски.
Должно быть, их недолгий век — печальной доли знак:
Едва дотронешься рукой, и облетает мак...
И тянется к цветку цветок. И, прежде чем опасть,
Спешит поведать, трепеща, свою любовь и страсть.

АМО САГИЯН

СИНЯЯ ПЕСНЯ

Есть светло-синий мир воспоминаний;
Где горы в небо синее одеты,
И ноги у меня, как ноги неба,
И я стою в пустыне светло-синей
Один и одинок...

По лбу проходят
Светила синие, а на груди
Четыре ветра бьются в синей злобе
И с ярко-синим свистом пропадают
Неуследимо в синей пустоте.
Осаживаю синим свистом трепет
Тревожно-голубеющего сердца,
Но в трепете зыбучей высоты
От голубого головокруженья
Покачиваюсь..

Мирозданье снова
Переворачивается,
И снова дремлют надо мною горы,
И боги дремлют подле ног моих.

○

Темнеют горы на горах,
Ущелья в глубине ущелий.
Мне чужд заката смутный страх.
Темнеют горы на горах.

Воспел я отчий мир в стихах.
Я от камней зачат в камнях,
Мне в колыбели камни пели.
Темнеют горы на горах,
Ущелья в глубине ущелий.
Мне чужд заката смутный страх.

ОСЕНЬ В ГОРАХ

Осень тянется в лощины
Из ущелья сквозь просвет,
Осень цвета камня и глины,
И конца ущелью нет.

Инеем исчерчены склоны,
Холод твой, как моя печаль,
Вдоль ущелья мой вздох приглушенный
За тобою тянется вдаль.

Просветлел твой поток гремучий,
Камень сух под стопой твоей,
Твои оседлые тучи —
Кочевье седых камней.

НА ДАЛЬНОМ БЕРЕГУ

Товарищи по играм и забавам
Ведут меня на дальний берег свой;
Как Иисус, стою в тряпье кровавом,
Исхлестанный крапивой и лозой.

— Я вам не лгал, я был у птиц в неволе,
Я никогда не забывал друзей... —
Оправдываюсь и кричу от боли
И просыпаюсь в комнате моей.

Твоими глазами, твоими глазами
Себя самого я увидел во сне,
Себя проклинал я твоими устами,
И стыд покаянный забился во мне.

И я пожалел тебя тысячекратно,
И тысячекратно тебя я простил,
Мне было во сне самому непонятно,
Как вытерпеть сон мой хватило мне сил.

Проснулся — и понял: руками твоими,
Руками твоими убит я давно.
Один я, а мнится, что стал я двоими...
Но этого мне объяснить не дано.

ТАК ЖИТЬ

Пускай погаснет свет во взоре.
Но только бы слова, как сеть,
Держали мысль, и петь, и в хоре
Не онеметь, не онеметь.

Скатиться бы слезой пролитой,
Упасть бы птицею подбитой,
Но только бы в неволе быта
Душой не тлеть, душой не тлеть.

Пускай меня согнет работа,
Годам забот не будет счета,
Но только бы в часы полета
Не тяжелеть, не тяжелеть.

И жить веками, жить веками,
Сшибаться грудь о грудь с горами,
Дышать ветрами, встретить пламя,
Гореть, и крепнуть, и сгореть.

Радуга животрепещущая,
По ветвям выгибающаяся,
На дерево переселяется
Из моей красно-зеленой мечты.

ОРОВЕЛ¹

Ушло в туман воспоминаний детство,
И луч его, как сказка, догорел,
Но принял я ваш оровел в наследство,
И сказку воскрешает оровел.

О, сколько раз для прямодушной песни
Я покидал предел забот и дел,
Но нет налева чище и чудесней,
Чем ваш, землей пропахший, оровел.

И я, в ладу с судьбою, как другие,
Во славу жизни много песен спел,
Но с чем сравнить мне звуки дорогие
И отчий дух, проникший оровел?

Вы, мудрые отцы земли армянской,
Я жизнь отдам за гордый ваш удел.
Но как воспеть мне подвиг ваш гигантский
И ваш благословенный оровел?

---

¹ Оровел — песня пахаря.

Пойду затеряюсь в листве неживой
Лесов, обступивших осенние горы, ..
Забуду раздоры, укоры и ссоры,
К замшелому камню склонюсь головой,
Для птиц перелетных я сердце открою,
И стану я ухом лесной тишины,
И верно, услышу дыханье живое
Под грудями листьев уснувшей весны.

стихи

КНИГА ТРАВЫ

О нет, я не город с кремлем над рекой,
Я разве что герб городской.

Не герб городской, а звезда над щитком
На этом гербе городском.

Не гостья небесная в черни воды,
Я разве что имя звезды.

Не голос, не платье на том берегу,
Я только светиться могу.

Не луч световой у тебя за спиной,
Я — дом, разоренный войной.

Не дом на высоком валу крепостном,
Я — память о доме твоём.

Не друг твой, судьбою ниспосланный друг,
Я — выстрела дальнего звук.

В приморскую степь я тебя уведу,
На влажную землю паду,

И стану я книгой младенческих трав,
К родимому лону припав.

К СТИХАМ

Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истцы,
Молчальники и собеседники,
Смиренники и гордецы!

Я сам без роду и без племени
И чудом вырос из-под рук,
Едва меня лопата времени
Швырнула на гончарный круг.

Мне вытянули горло длинное,
И выкруглили душу мне,
И обозначили былинные
Цветы и листья на спине,

И я раздвинул жар березовый,
Как заповедал Даниил,
Благословил закал свой розовый
И как пророк заговорил.

Скупой, охряной, неприкаянной
Я долго был землей, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы.

○

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала как флейта звучать.
Я ловил соответствия звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зеленых ладов проходя, как комета,

Я-то знал, что любая росинка — слеза.
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге яркострекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.

Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скрепленных их собственным светом, загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума,
В слове «правда» мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив, как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.

И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизил ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав.

СТЕПЬ

Земля сама себя глотает
И, тычась в небо головой,
Провалы памяти латает
То человеком, то травой.

Трава — под конскою подковой,
Душа — в коробке костяной,
И только слово, только слово
В степи маячит под луной.

Почует степь, как неживая,
И на курганах валуны
Лежат — цари сторожевые,
Опившись оловом луны.

Последним умирает слово.
Но небо движется, пока
Сверло воды проходит снова
Сквозь жесткий щит материка.

Дохнет репейника ресница,
Сверкнет кузнечика седло,
Как радугу, степная птица
Расчешет сонное крыло.

И в сизом молоке по плечи
Из рая выйдет в степь Адам
И дар прямой разумной речи
Вернет и птицам и корням,

Любовный бред самосознания
Вдохнет, как душу, в корни трав.
Трепещущие их названья
Еще во сне пересоздав.

ДЕРЕВО ЖАННЫ

Мне говорят, а я уже не слышу,
Что говорят. Моя душа к себе
Прислушивается, как Жанна Д'Арк, —
Какие голоса тогда поют!

И управлять я научился ими:
То флейты вызываю, то фаготы,
То арфы. Иногда я просыпаюсь,

А все уже давным-давно звучит,
И кажется — финал не за горами.

Привет тебе, высокий ствол и ветви
Упругие, с листвой зелено-ржавой,
Таинственное дерево, откуда
Ко мне слетает птица первой ноты.

Но стоит взяться мне за карандаш,
Чтоб записать словами гул литавров,
Охотничьи сигналы духовых,
Весенние размытые порывы
Смычков, — я понимаю, что со мной:
Душа к губам прикладывает палец —
Молчи! Молчи!

И все, чем смерть жива
И жизнь сложна, приобретает новый,
Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл. И я молчу, но я
Весь без остатка, весь как есть — в раструбе
Воронки, полной утреннего шума.

Вот почему, когда мы умираем,
Оказывается, что ни полслова
Не написали о себе самих,
И то, что прежде нам казалось нами,
Идет по кругу
Спокойно, отчужденно, вне сравнений
И нас уже в себе не заключает.

Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!
Пусть коронован твой король, — какая
Заслуга в том? Шумит волшебный дуб,
И что-то голос говорит, а ты
Огнем горишь в рубахе не по росту.

РИФМА

Не высоко я ставлю силу эту:
И зяблики поют. Но почему
С рифмовником бродить по белу свету
Наперекор стихиям и уму
Так хочется и в смертный час поэту?

И как ребенок «мама» говорит,
И мечется, и требует покрова,
Так и душа в мешок своих обид
Швыряет, как плотву, живое слово:
За жабры — хватать! и рифмами двоит.

Сказать по правде, мы — уста пространства
И времени, но прячется в стихах
Кощеевой считалки постоянство.
Всему свой срок: живет в пещере страх,
В созвучье — допотопное шаманство,

И может быть, семь тысяч лет пройдет,
Пока поэт, как жрец, благоговейно
Коперника в стихах перепоеет,
А там, глядишь, дойдет и до Эйнштейна.
И я умру, и тот поэт умрет,

Но в смертный час попросит вдохновенья,
Чтобы успеть стихи досочинить:
— Еще одно дыханье и мгновенье
Дай эту нить связать и раздвоить! —
Ты помнишь рифмы влажное биенье?

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

То были капли дождевые,
Летающие из света в тень.
По воле случая впервые
Мы встретились в ненастный день,

И только радуги в тумане
Вокруг неярких фонарей
Поведали тебе заране
О близости любви моей,

О том, что лето миновало,
Что жизнь тревожна и светла,
И как ты ни жила, но мало,
Так мало на земле жила.

Как слезы, капли дождевые
Светились на лице твоём,
А я еще не знал, какие
Безумства мы переживем.

Я голос твой далекий слышу,
Друг другу нам нельзя помочь,
И дождь всю ночь стучит о крышу,
Как и тогда стучал всю ночь.

ЗВЕЗДНЫЙ КАТАЛОГ

До сих пор мне было невдомек —
Для чего мне звездный каталог?
В каталоге десять миллионов
Номеров небесных телефонов,

Десять миллионов номеров
Телефонов марев и миров,
Полный свод свеченья и мерцанья,
Список абонентов мирозданья.
Я-то знаю, как зовут звезду,
Я и телефон ее найду,
Пережду я очередь земную,
Поверну я азбуку стальную:
— А—13—40—25.
Я не знаю, где тебя искать.

Запоем мембрана телефона:
— Отвечает альфа Ориона.
Я в дороге, я теперь звезда,
Я тебя забыла навсегда.
Я звезда — денница сестрица,
Я тебе не захочу присниться,
До тебя мне дела больше нет.
Позвони мне через триста лет.

○

Т. О. — Т.

Я боюсь, что слишком поздно
Стало сниться счастье мне.
Я боюсь, что слишком поздно
Потянулся я к беззвездной
И чужой твоей стране.

Мне-то ведомо, какую —
Ночью темной, без огня,
Мне-то ведомо, какую
Неспокойной, молодою
Ты бываешь без меня.

Я-то знаю, как другие,
В поздний час моей тоски,
Я-то знаю, как другие
Смотрят в эти роковые,
Слишком темные зрачки.

И в моей ночи ревнивой
Каблучки твои стучат,
И в моей ночи ревнивой
Над тобою дышит диво —
Первых оттепелей чад.

Был и я когда-то молод.
Ты пришла из тех ночей.
Был и я когда-то молод,
Мне понятен душный холод
Вешний лед в крови твоей.

○

Ты, что бабочкой черной и белой,
Не по-нашему дико и смело
И в мое залетела жильё,
Не колдуй надо мною, не делай
Горше горького сердце мое.

Чернота, окрыленная светом,
Та же черная верность обетам
И платок, ниспадающий с плеч.
А еще в трепетании этом
Тот же яд и нерусская речь.

○

С утра я тебя дожидался вчера,
Они догадались, что ты не придешь,
Ты помнишь, какая погода была?
Как в праздник! И я выходил без пальто.

Сегодня пришла, и устроили нам
Какой-то особенно пасмурный день,
И дождь, и особенно поздний час,
И капли бегут по холодным ветвям.

Ни словом унять, ни платком утереть...

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилаь нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!» —
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синеюй вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,

И синевою тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки,
Дымилась горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И — боже правый! — ты была моя.
Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово *ты* раскрыло
Свой новый смысл и означало: *царь*.

На свете все преобразилось, даже
Простые вещи — таз, кувшин, — когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.
Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

○

Снова я на чужом языке
Пересуды какие-то слышу, —
То ли это плоты на реке,
То ли падают листья на крышу.

Осень, видно, и впрямь хороша.
То ли это она колобродит,
То ли злая живая душа
Разговоры с собою заводит,

То ли сам я к себе не привык...
Плыть бы мне до чужих понизовий,
Петь бы мне, как поет плотовщик, --
Побольней, потемней, победовей,

На плоту натянуть дождевик,
Петь бы, шапку надвинув на брови,
Как поет на реке плотовщик
О своей невозвратной любви.

○

Т. О. — Т.

Вечерний, сизокрылый,
Благословенный свет!
Я словно из могилы
Смотрю тебе вослед.

Благодарю за каждый
Глоток воды живой,
В часы последней жажды
Подаренный тобой.

За каждое движенье
Твоих прохладных рук,
За то, что утешенья
Не нахожу вокруг.

За то, что ты надежды
Уводишь, уходя,
И ткань твоей одежды
Из ветра и дождя.

Кем налит был стакан до половины
И почему нет розы на столе?
Не роза, нет! А этот след карминный,
А этот слабый запах на стекле?

К рассвету соскользнуло одеяло
И встала ты, когда весь мир затих,
И в смутный час кувшин с водой искала
И побывала в комнатах моих.

Не твой ли свет — игра воды в стакане?
И на стекле остался легкий след,
Как будто мало мне напоминаний
О той заре, куда возврата нет.

Ты в белом спишь, и ты, должно быть, рада,
Сквозь явь и сон, как белый луч, скользя,
Что о себе мне говорить не надо
И ни о чем напоминать нельзя.

Сирени вы, сирени,
И как вам не тяжел
Застывший в трудном крене
Альтовый гомон пчел?

Осталось нетерпенье
От юности моей
В горячей вашей пене
И в глубине теней.

А как дохнет по пчелам
И пробежит гроза
И ситцевым подолом
Ударит мне в глаза —

Пройдет прохлада низом
Траву в коленях гнуть,
И дождь по гроздьям сизым
Покатится, как ртуть.

Под вечер — ведро снова,
И, верно, в том и суть,
Чтоб хоть силком смычковый
Лиловый гуд вернуть.

ШИПОВНИК

Т. О. — Т.

Я завещаю вам шиповник,
Весь полный света, как фонарь,
Июньских бабочек письмовник,
Задворков праздничный словарь.

Едва калитку отворяли,
В его корзине сам собой,
Как струны в запертом рояле,
Гудел и звякал разнобой.

Там, по ступеням светотени,
Прямыми крыльями стуча,
Сновала радуга видений
И вдоль и поперек луча.

Был очевиден и понятен
Пространства замкнутого шар —
Сплетенье линий, лепет пятен,
Мельканье брачующихся пар.

○

Бабочки хохочут, как безумные,
Выются хороводы милых дур
По лазурному нагромождению
Стереометрических фигур:
Учит их всей этой математике
Голенький и розовый амур.

Хореографическим училищем,
Карнавальным молодым вином
Отдает июньская сумятица
Бабочек, играющих с огнем,
Перебрасывающихся бисером
Со своим крылатым вожаком.

И уносит их ватагу школьную,
Хрупкую, бездумную, безвольную,
Ветер, в жизнь входящий напролом.

○

Когда купальщица с тяжелою косой
Выходит из воды, одна в полдневном зное,
И прячется в тени, тогда ручей лесной
В зеленых зеркальцах поет совсем иное.

Над хрупкой чешуей светло-студеных вод
Сторукый бог ручьев свои рога склоняет,
И только стрекоза, как первый самолет,
О новых временах напоминает.

КОЛЫБЕЛЬ

Андрею Т.

Она:

Что всю ночь не спишь, прохожий,

Что бредешь — не добредешь,

Говоришь одно и то же,

Спать ребенку не даешь?

Кто тебя еще услышит?

Что тебе делить со мной?

Он, как белый голубь, дышит

В колыбели лубяной.

Он:

Вечер приходит, поля голубеют, земля сиротеет.

Кто мне поможет воды зачерпнуть из криницы
глубокой?

Нет у меня ничего, я все растерял по дороге;

День провожаю, звезду встречаю. Дай мне напиток.

Она:

Где криница — там водица,

А криница на пути.

Не могу я дать напиток,

От ребенка отойти.

Вот он веки опускает,

И вечерний млечный хмель

Обвивает, оmyвает

И качает колыбель.

Он:

Дверь отвори мне, выйди, возьми у меня что хочешь —

Свет вечерний, ковш кленовый, траву подорожник...

ДОЖДЬ

Как я хочу вдохнуть в стихотворенье
Весь этот мир, меняющий обличье:
Травы неуловимое движенье,

Мгновенное и смутное величье
Деревьев, раздраженный и крылатый
Сухой песок, щебечущий по-птичьи, —

Весь этот мир, прекрасный и горбатый,
Как дерево на берегу Ингула.
Там я услышал первые раскаты

Грозы. Она в бараний рог согнула
Упрямый ствол, и я увидел крону —
Зеленый слепок грозового гула.

А дождь бежал по глиняному склону,
Гонимый стрелами, ветвисторогий,
Уже во всем подобный Актеону.

У ног монах он пал на полдороге.

○

Душу, вспыхнувшую на лету,
Не увидели в комнате белой,
Где в перстах милосердных колдуний
Нежно теплилось детское тело.

Дождь по саду прошел накануне,
И просохнуть земля не успела;
Столько было сирени в июне,
Что сияние мира синело.

И в июле, и в августе было
Столько света в трех окнах и цвета
Столько в небо фонтанами било
До конца перевозданного лета,
Что судьба моя и за могилой
Днем творенья, как почва, прогрета.

○

Да не коснутся тьма и тлен
Июньской розы на окне,
Да будет улица светла,
Да будет мир благословен
И благосклонна жизнь ко мне,
Как столько лет назад была!..

Как столько лет назад — когда
Едва открытые глаза
Не понимали, как им быть,
В траву обрушилась вода,
И с нею первая гроза
Еще училась говорить.

Я в этот день увидел свет.
Трава шумела за окном,
Качаясь в пузырях стекла,
И стала на пороге лет
С корзинами в руках и в дом,
Смеясь, цветочница вошла...

Отвесный дождь омыл траву,
И снизу ласточка взвилась,
И этот день был первым днем
Из тех, что чудом наяву
Светились, как шары, дробясь
В росе на лепестке любим.

ЯЛИК

Что ты бредишь, глазной хрусталик?
Хоть бы сам себя поберег.
Не качается лодочка-ялик,
Не взлетает птица-нырок.

Камыши полосы прибрежной
Достаются на краткий срок.
Что ты бродишь, неосторожный,
Вдалеке от больших дорог?

Все, что свято, все, что крылато,
Все, что пело мне: «В добрый путь!» —
Меркнет в желтом огне заката.
Как ты смел туда заглянуть?

Там ребенок пел загорелый,
Не хотел возвращаться домой,
И качался ялик твой белый
С голубым флажком над кормой.

○

Был домик в три оконца
В такой окрашен цвет,
Что даже в спектре солнца
Такого цвета нет.

Он был еще спектральной,
Зеленый до того,
Что я в окошко спальни
Молился на него.

Я верил, что из рая,
Как самый лучший сон,
Оттенка не меняя,
Переместился он.

Поныне домик чудный,
Чудесный и чудной,
Зеленый, изумрудный
Стоит передо мной.

И ставни затворяли,
Но иногда и днем
На чем-то в нем играли
И что-то пели в нем,

А ночью на крылечке
Прощались и впотьмах
Затепливали свечки
В бумажных фонарях.

МЕДЕМ

Музыке учился я когда-то,
По складам лады перебирал,
Мучился ребяческой сонатой,
Никогда Ганона¹ не играл.

С нотами я приходил по средам:
Поверну звоночек у дверей,
И навстречу мне выходит Медем
В бумазейной курточке своей.

Неуклюж был великан лукавый:
В темный сон рояля-старика
Сверху вниз на полторы октавы
По медвежьей падала рука.

---

¹ *Ганон Шарль* — французский пианист, педагог, автор пособия по игре на фортепьяно.

И, клубясь в басах, летела свора,
Шла охота в путаном лесу,
Голоса охотничьего хора
За ручьем качались на весу.

Все кончалось шуткой по-немецки,
Голубым прищуренным глазком,
Сединой, остриженной по-детски,
Говорком, скакавшим кувырком.

И, еще не догадавшись, где я,
Из лесу не выбравшись еще,
Я урок ему играл робея:
Медem клал мне руку на плечо.

Много было в заспанном рояле
Белого и черного огня,
Клавиши мне пальцы обжигали,
И сердился Медem на меня.

Поскучало детство, убежало.
Если я в мой город попаду,
Заблужусь в потемках у вокзала,
Никуда дороги не найду.

Почему ж идешь за мною следом,
Детство, и не выступишь вперед?
Или снова руку старый Медem
Над клавиатурой занесет?

Тогда еще не воевали с Германией,
Тринадцатый год был еще в середине,
Неведенъem в доме болели, как манией,
И в четверть сна, в одну восьмую жизни.

У матери пахло спиртовкой, фиалкою,
Лиловой накидкой в шкафу, на распялке;
Все детство мое, по-блаженному жалкое,
В горящей спиртовке и пармской фиалке.

Зато у отца, как в Сибири у ссыльного,
Был плед Гарибальди и Герцен под локтем.
Ванилью тянуло от города пыльного,
От пригорода — конским потом и дегтем.

Казалось, что этого дома хозяева
Навечно в своей довоенной Европе,
Что не было, нет и не будет Сараева,
И где они, эти мазурские топи?..

Еще в ушах стоит и гром и звон:
У, как трезвонил вагоновожатый!

Туда ходил трамвай, и там была
Неспешная и мелкая река —
Вся в камыше и ряске.

Я и Валя

Сидим верхом на пушках у ворот
В Казенный сад, где двухсотлетний дуб.
Мороженщики, будка с лимонадом
И в синей раковине музыканты.

Июнь сияет над Казенным садом.

Труба бубнит, бьют в барабан, и флейта
Свистит, но слышно, как из-под подушки:
В полбарабана, в полтрубы, в полфлейты
И в четверть сна, в одну восьмую жизни.

Мы оба

(в летних шляпах на резинке,
В сандалиях, в матросках с якорями)
Еще не знаем, кто из нас в живых
Останется, кого из нас убьют,
О судьбах наших нет еще и речи,
Нас дома ждет парное молоко,
И бабочки садятся нам на плечи,
И ласточки летают высоко.

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА, 1914

В то лето народное горе
Надело железную цепь,
И тлела по самое море
Сухая и пыльная степь,

И под вечер горькие дали,
Как душная бабья душа,
Багровой тревогой дышали
И бога хулили, греша.

А утром в село, на задворки,
Пришел дезертир босиком,
В белесой своей гимнастерке,
С голодным и темным лицом,

И, словно из церкви икона,
Смотрел он, как шел на ущерб
По ржавому дну небосклона
Алмазный сверкающий серп.

Запомнил я взгляд без движенья,
Совсем из державы иной,
И понял печать отчужденья
В глазах, обожженных войной.

И стало темно. И в молчанье,
Зеленом, глубоком как сон,
Ушел он, и мне на прощанье
Оставил ружейный патрон.

Но сразу, по первой примете,
Узнать ослепительный свет...

· · · · ·
Как много я прожил на свете!
Столетие! Тысячу лет!

ЖИЛИ-БЫЛИ

Вся Россия голодала,
Чуть жила на холоду,
Граммofоны, одеяла,
Стулья, шапки, что попало
На пшено и соль меняла
В девятнадцатом году.

Брата старшего убили,
И отец уже ослеп,
Все имущество спустили,
Жили, как в пустой могиле,
Жили-были, воду пили
И пекли крапивный хлеб.

Мать согнулась, постарела,
Поседела в сорок лет

И на худенькое тело
Рвань по-нищенски надела;
Ляжет спать — я то и дело:
Дышит мама или нет?

Гости что-то стали редки
В девятнадцатом году.
Сердобольные соседки
Тоже, будто птицы в клетке
На своей засохшей ветке,
Жили у себя в аду.

Но картошки гниловатой
Нам соседка принесла
И сказала:
— Как богато
Жили нищие когда-то.
Бог Россию виноватой
Счел за Гришкины дела.

Вечер был. Сказала:
— Ешьте! —
Подавала лепешки мать.
Муза в розовой одежде,
Не являвшаяся прежде,
Вдруг предстала мне в надежде
Не давать ночами спать.

Первое стихотворенье
Сочинял я, как в бреду:
«Из картошки в воскресенье
Мама испекла печенье!»
Так познал я вдохновенье
В девятнадцатом году.

Я в детстве заболел
От голода и страха. Корку с губ
Сдеру — и губы облизну; запомнил
Прохладный и солоноватый вкус.
А все иду, а все иду, иду,
Сажу на лестнице в парадном, греюсь,
Иду себе в бреду, как под дуду
За крысоловом в реку, сяду — греюсь
На лестнице; и так знобит и эдак.
А мать стоит, рукою манит, будто
Невдалеке, а подойти нельзя:
Чуть подойду — стоит в семи шагах,
Рукою манит; подойду — стоит
В семи шагах, рукою манит.

Жарко

Мне стало, расстегнул я ворот, лег, —
Тут затрубили трубы, свет по векам
Ударил, кони поскакали, мать
Над мостовой летит, рукою манит —
И улетела...

И теперь мне снится
Под яблонями белая больница,
И белая под горлом простыня,
И белый доктор смотрит на меня,
И белая в ногах стоит сестрица
И крыльями поводит. И остались.
А мать пришла, рукою поманила —
И улетела.....

СТИХИ ИЗ ДЕТСКОЙ ТЕТРАДИ

*...О, мать Ахайя гористая,
Пробудись, я твой лучник последний...
Из тетради 1921 г.*

Почему захотелось мне снова,
Как в далекие детские годы,
Ради шутки не тратить ни слова,
Сочинять величавые оды,

Штурмовать олимпийские кручи,
Нимф искать по лазурным пещерам
И гекзаметр без всяких созвучий
Предпочесть новомодным размерам?

Географию древнего мира
На четверку я помню, как в детстве,
И могла бы Алкеева лира
У меня оказаться в наследстве.

Надо мной не смеялись матросы.
Я читал им:

«О, мать Ахайя!»

Мне дарили они папиросы,
По какой-то Ахайе вздыхая.

За гекзаметр в холодном вокзале,
Где жила молодая свобода,
Мне военные люди давали
Черствый хлеб двадцать первого года.

Значит, шел я по верной дороге,
По кремнистой дороге поэта,
И неправда, что Пан козлоногий
До меня еще сгинул со света.

Босиком, но в буденовском шлеме,
Бедный мальчик в священном дурмане,
Верен той же аттической теме,
Я блуждал без копейки в кармане.

Ямб затасканный, рифма плохая —
Только бредни, постылые бредни,
И достойней:
    «О, мать Ахайя,
Пробудись, я твой лучник последний...»

ВЕЩИ

Все меньше тех вещей, среди которых
Я в детстве жил, на свете остается.
Где лампы-«молнии»? Где черный порох?
Где черная вода со дна колодца?

Где «Остров мертвых» в декадентской раме?
Где плюшевые красные диваны?
Где фотографии мужчин с усами?
Где тростниковые аэропланы?

Где Надсона чахоточный трехдольник,
Визитки на красавцах-адвокатах,
Пахучие калоши «треугольник»
И страусова нега плеч покатых?

Где кудри символистов полупьяных?
Где рослых футуристов затрапезы?
Где лозунги на липах и каштанах,
Бандитов сумасшедшие обрезы?

Где твердый знак и буква «ять» с «фитою»?
Одно ушло, другое изменилось,

И что не отделялось запятою,
То запятой и смертью отделилось.

Я сделал для грядущего так мало,
Но только по грядущему тоскую
И не желаю начинать сначала:
Быть может, я работал не впусую.

А где у новых спутников порука,
Что мне принадлежат они по праву?
Я посягаю на игрушки внука,
Хлеб правнука, праправнукову славу.

РУКИ

Взглянул я на руки свои
Внимательно, как на чужие:
Какие они корневые —
Из крепкой рабочей семьи.

Надежная старая стать
Для дружеских твердых пожатий;
Им плуга бы две рукояти,
Буханку бы хлебную дать,

Держать бы им сердце земли,
Да все мы, видать, звездолюбцы, —
И в небо мои пятизубцы
Двумя якорями вросли.

Так вот чем наш подвиг велик:
Один и другой пятерик
Свой труд принимают за благо,
И древней атлантовой тягой
К ступням прикипел материк.

СЛОВАРЬ

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам — боль моя и благо —
Ключей подземных ледяная влага,
Все эР и эЛЬ святого языка.

Я призван к жизни кровью всех рождений
И всех смертей, я жил во времена,
Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.

Его словарь открыт во всю страницу,
От облаков до глубины земной. —
Разумной речи научить синицу
И лист единый заронить в криницу,
Зеленый, рдяный, ржавый, золотой...

СТЕПНАЯ ДУДКА

I

Жили, воевали, голодали,
Умиralи врозь, по-одному.
Я не живописец, мне детали
Ни к чему, я лучше соль возьму.

Из всего земного ширпотреба
Только дудку мне и принесли:
Мало взял я у земли для неба,
Больше взял у неба для земли.

Я из шапки вытряхнул светила,
Выпустил я птиц из рукава.
Обо мне земля давно забыла,
Хоть моим рифмовником жива.

II

На каждый звук есть эхо на земле.
У пастухов кипел кулеш в котле,
Почесывались овцы рядом с нами
И черными стучались башмачками.
Что деньги мне? Что мне почет и честь
В степи вечерней без конца и края?
С Овидием хочу я брынзу есть
И горевать на берегу Дуная,
Не различать далеких голосов,
Не ждать благословенных парусов.

III

Где вьюгу на латынь
Переводил Овидий,
Я пил степную синь
И суп варил из мидий.

И мне огнем беды
Дуду насквозь продуло,
И потому лады
Поют, как Мариула,

И потому семья
У нас не без уroda
И хороша моя
Дунайская свобода.

Где грел он в холода
Лепешку на ладони,
Там южная звезда
Стоит на небосклоне.

IV

Земля неплодородная, степная,
Горючая, но в ней для сердца есть
Кузнечика скрипица костяная
И кесарем униженная честь.

А где мое грядущее? Бог весть.
Изгнание чужое вспоминая,
С Овидием и я за дестью десть
Листал тетрадь на берегу Дуная.

За желть и жёлчь любил я этот край
И говорил: — Кузнечик мой, играй! —
И говорил: — Семь лет пути до Рима!

Теперь мне и до степи далеко.
Живи хоть ты, глоток сухого дыма,
Шалаш, кожух, овечье молоко.

○

Я вспомнил далекие годы:
Мне снится — я снова стою
Под ранней звездой свободы
В степном неоглядном краю,

Где странник захожий — ошибкой —
Мне силу недобрую дал,
И стал я звучащим, как скрипка,
И легким от голода стал.

Я долго скитался по свету,
И много растратил я сил,
Но муку блаженную эту,
Певучую силу растил.

И, меркою мера привычной,
Теплом и покоем дразня,
Похлебкой своей чечевичной
Напрасно прельщаешь меня.

Удары твои принимая,
Но взыскан высокой судьбой,
Земля, мне навеки родная, —
Как равный стою пред тобой.

И стоит мое первородство
Того, чтобы в отчет краю
Нелегкое бремя сиротства
Нести как недолю свою.

ЗЕМНОЕ

Когда б на роду мне написано было
Лежать в колыбели богов,
Меня бы небесная мамка вспоила
Святым молоком облаков,

И стал бы я богом ручья или сада,
Стерег бы хлеба и гроба, —
Но я человек, мне бессмертья не надо:
Страшна неземная судьба.

Спасибо, что губ не свела мне улыбка
Над солью и желчью земной.
Ну что же, прощай, олимпийская скрипка,
Не смейся, не пой надо мной.

ПОСРЕДИНЕ МИРА

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое клянусь, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое.
И — боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток.

БЛИЗОСТЬ ВОЙНЫ

Кто может умереть — умрет,
Кто выживет — бессмертен будет,
Пойдет греметь из рода в род,
Его и правнук не осудит.

На предпоследнюю войну
Бок о бок с новыми друзьями
Пойдем в чужую сторону.
Да будет память близких с нами!

Счастливец, кто переживет
Друзей и подвиг свой военный,
Залечит раны и пойдет
В последний бой со всей вселенной.

И слава будет не слова,
А свет для всех, но только проще,
И эта жизнь — плакун-трава
Пред той широкошумной рощей.

СУББОТА, 21 ИЮНЯ

Пусть роют щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.

Мне вон тому сказать необходимо:
«Иди сюда, и смерть промчится мимо».

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,

И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,

И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.

Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.

Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда, и что случилось чудо.

Я все забыл. В окне еще светло
И накрест не заклеено стекло.

○

Тебе не наскучило каждому снится,
Кто с князем твоим горевал на войне,
О чем же ты плачешь, княгиня зегзица,
О чем ты поешь на кремлевской стене?

Твой Игорь не умер в плену от печали,
Погоне назло доконал он коня,
А как мы рубились на темной Каяле,
Твой князь на Каяле оставил меня.

И впору́ бы мне тетивой удавиться,
У каменной бабы воды попросить.
О том ли в Путивле кукуешь, зегзица,
Что некому раны мои остудить?

Так долго я спал, что по русские очи
С каленым железом пришла татарва,
А смерть твоего кукованья короче,
От крови моей почернела трава.

Спасибо тебе, что стонала и пела.
Я ветром иду по горячей золе,
А ты разнеси мое смертное тело
На сизом крыле по родимой земле.

ПРОВОДЫ

Вытрет губы, наденет шинель
И, не глядя, жену поцелует.
А на улице ветер лютует,
Он из сердца повывудет хмель.

И потянется в город обоз,
Не добудешь ста грамм по дороге,
Только ветер бросается в ноги
И глаза обжигает до слез.

Был колхозником — станешь бойцом.
Пусть о родине, вольной и древней,
Мало песен сложили в деревне —
Выйдешь в поле, и дело с концом.

А на выезде плачет жена,
Причитая и руки ломая,

Словно черные кони Мамаю
Где-то близко, как в те времена,
Мчатся, снежную пыль подымая,
Ветер бьет, и звенят стремена.

Чего ты не делала только,
    чтоб видеться тайно со мною...
Тебе не сиделось, должно быть,
    за Камой, в доме невысоком,
Ты под ноги стлалась травую,
    уж так шелестела весною,
Что боязно было: шагнешь —
    и заденешь тебя ненароком.

Кукушкой в лесу притаилась
    и так куковала, что люди
Завидовать стали: ну вот,
    Ярославна твоя прилетела!
И если я бабочку видел,
    когда и подумать о чуде
Безумием было, — я знал:
    ты взглянуть на меня захотела.

А эти павлиньи глазки —
    там лазори по капельке было
На каждом крыле — и светились...
    Я, может быть, со свету сгину,
А ты не покинешь меня,
    и твоя чудотворная сила
Травую оденет, цветами подарит
    и камень, и глину.

И если к земле присмотреться,
чешуйки все в радугах. Надо
Ослепнуть, чтоб имя твое
не прочесть на ступеньках и сводах
Хором этих нежно-зеленых.
Вот верности женской засада:
Ты за ночь построила город
и мне приготовила отдых.

А ива, что ты посадила
в краю, где вовек не бывала?
Тебе до рожденья могли
терпеливые ветви присниться,
Качалась она, подрастая,
и соки земли принимала.
За ивой твоей довелось мне,
за ивой от смерти укрыться.

С тех пор не дивлюсь я, что гибель
обходит меня стороною:
Я должен ладью отыскать,
плыть и плыть и, замучась, причалить,
Увидеть такую тебя,
чтобы вечно была ты со мною,
И крыл твоих, глаз твоих,
рук — никогда не печалить.

Приснись мне, приснись мне, приснись,
приснись мне еще хоть однажды.
Война меня потчует солью,
а ты этой соли не трогай,
Нет горечи горше, и горло мое
пересохло от жажды,
Дай пить, напои меня, дай мне воды
хоть глоток, хоть немного.

Хорошо мне в теплушке,
Тут бы век вековать, —
Сумка вместо подушки,
И на дождь наплевать.

Мне бы ехать с бойцами,
Грызть бы мне сухари,
Петь да спать бы ночами
От зари до зари,

У вокзалов разбитых
Брать крутой кипяток —
Бездомовный напиток —
В жестяной котелок.

Мне б из этого рая
Никуда не глядеть,
С темнотой засыпая
Ничего не хотеть —

Ни дороги попятной,
Разоренной войной,
Ни туда, ни обратно,
Ни на фронт, ни домой, —

Но торопит, рыдая,
Песня стольких разлук,
Жизнь моя кочевая,
Твой скрежещущий стук.

Вы нашей земли не считаете раем,
А краем пшеничным, чужим караваем,
Штыком вы отрезали лучшую треть.
Мы намертво знаем, за что умираем, —
Мы землю родную у вас отбираем,
А вам — за ворованный хлеб умереть.

ПОЛЕВОЙ ГОСПИТАЛЬ

Стол повернули к свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах,
Душа моя на нитке колотилась,
И видел я себя со стороны:
Я без довесков был уравновешен
Базарной жирной гирей.

Это было

Посередине снежного щита,
Щербатого по западному краю,
В кругу незамерзающих болот,
Деревьев с перебитыми ногами
И железнодорожных полустанков
С расколотыми черепами, черных
От снежных шапок, то двойных, а то
Тройных.

В тот день остановилось время,
Не шли часы, и души поездов
По насыпям не пролетали больше
Без фонарей, на серых ластвах пара,
И ни вороньих свадеб, ни метелей,
Ни оттепелей не было в том лимбе,
Где я лежал в позоре, в наготы,
В крови своей, вне поля тяготенья
Грядущего.

Но сдвинулся и на оси пошел
По кругу щит слепительного снега,
И низко у меня над головой
Семерка самолетов развернулась,
И марля, как древесная кора,
На теле затвердела, и бежала
Чужая кровь из колбы в жилы мне,
И я дышал, как рыба на песке,
Глотая твердый, слюдяной, земной,
Холодный и благословенный воздух.

Мне губы обметало, и еще
Меня поили с ложки, и еще
Не мог я вспомнить, как меня зовут,
Но ожил у меня на языке
Словарь царя Давида.

А потом

И снег сошел, и ранняя весна
На цыпочки привстала и деревья
Окутала своим платком зеленым.

ПОЛЬКА

Все не спит палата госпитальная,
Радио не выключай, и только:
Тренькающая да беспечальная,
Раненым пришлась по вкусу полька.

Наплевать, что ночь стоит за шторами,
Что повязка на культе промокла, —
Дребезжащий репродуктор шпорами
Бьет без удержу в дверные стекла.

Наплевать на уговоры нянины,
Только б свет оставила в палате.

И ногой здоровой каждый раненый
Барабанит польку по кровати.

ИВАНОВА ИВА

Иван до войны проходил у ручья,
Где выросла ива неведомо чья.

Не знали, зачем на ручей налегла,
А это Иванова ива была.

В своей плащ-палатке, убитый в бою,
Иван возвратился под иву свою.

Иванова ива,
Иванова ива,
Как белая лодка, плывет по ручью.

Здесь дом стоял. Жил в нем какой-то дед,
Жил какой-то мальчик. Больше дома нет.

Бомба в сто кило, земля черным-черна,
Был дом, нету дома. Что делать, война!

Куча серых тряпок, на ней самовар,
Шкафчик, рядом лошадь, над лошадью пар.

Вырастет на пустыре лебеда у стены,
Здесь навсегда поселятся бедные духи войны.

А то без них будет некому скулить по ночам,
Свистеть да гулять по нетопленным печам...

○

Мы шли босые, злые,
И, как под снег ракита,
Ложилась мать-Россия
Под конские копыта.

Стояли мы у стенки,
Где холодом тянуло,
Выкатывая зенки,
Смотрели прямо в дуло.

Кто знает щучье слово,
Чтоб из земли солдата
Не подымали снова,
Убитого когда-то?

○

Я не был убит на войне,
Так, значит, и вправду везло мне..
Но братья стучатся ко мне.
— И помни, — твердят мне, — и помни..

И помни, что были у нас
И матери наши, и дети.
— Я умер в погибельный час.
— А я был убит на рассвете.

— А жизнь мы любили и в ней
Стремилась к единственной цели,
И чем мы любили сильнее,
Тем песни счастливее пели.

— Простите меня, что живу,
И я — никуда — ниоткуда.
Вы видите сны наяву.
Какое вам видится чудо?

○

Ученик зеленой травы,
Дитя материнских рощ,
Брат людей,
Певчих птиц побратим, —

Листья деревьев твоих
Стрельчатыми крыльями тронь:
Клены твои на войне
Я под корень рубил.

Четыре года беды,
Четыре года боев,
Четыре года разлук,
Четыре года смертей, —

А я с колыбельных дней
Слышал их смутный гул,
Опалила мне щеки война
Чуждым тебе огнем.

Спасибо тебе за то,
Что ты меня научил
Искавший тебя свинец
Рукой на лету ловить.

Если ты помнишь меня
И если меня позабыл,
На день грядущий — траву мою
И землю — благослови!

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

I

Как дерево поверх лесной травы
Распластывает листьев пятерню
И, опираясь о кустарник, вкось
И вширь, и вверх распространяет ветви,
Я вытянулся понемногу. Мышцы
Набухли у меня, и раздалась
Грудная клетка. Легкие мои
Наполнил до мельчайших альвеол
Колючий спирт из голубого кубка,
И сердце взяло кровь из жил, и жилам
Вернуло кровь, и снова взяло кровь, —
И было это как преображенье
Простого счастья и простого горя
В прелюдию и фугу для органа.

II

Меня хватило бы на все живое —
И на растения, и на людей,
В то время умиравших где-то рядом
И где-то на другом конце земли
В страданиях невыносимых, как Марсий,
С которого содрали кожу. Я бы
Ничуть не стал, отдав им жизнь, бедней
Ни жизнью, ни самим собой, ни кровью.
Но сам я стал как Марсий. Долго жил
Среди живых, и сам я стал как Марсий.

III

Бывает, в летнюю жару лежишь
И смотришь в небо, и горячий воздух
Качается, как люлька, над тобой,
И вдруг находишь странный угол чувств:
Есть в этой люльке щель, и сквозь нее
Проходит холод запредельный, будто
Какая-то иголка ледяная...

IV

Как дерево с подмытого обрыва,
Разбрызгивая землю над собой,
Обрушивается корнями вверх,
И быстрина перебирает ветви,
Так мой двойник по быстрине иной
Из будущего в прошлое уходит.
Вослед себе я с высоты смотрю
И за сердце хватаюсь. Кто мне дал
Трепещущие ветви, мощный ствол
И слабые, беспомощные корни?
Тлетворна смерть, но жизнь еще тлетворней,
И необуздан жизни произвол.
Уходишь, Лазарь? Что же, уходи!
Еще горит полнеба за спиною.
Нет больше связи меж тобой и мною.
Спи, жизнелюбец! Руки на груди
Сложи и спи!

V

Приди, возьми, мне ничего не надо,
Люблю — отдам и не люблю — отдам.
Я заменить хочу тебя, но если

Я говорю, что перейду в тебя,
Не верь мне, бедное дитя, я лгу...

О, эти руки с пальцами, как лозы,
Открытые и влажные глаза,
И раковины маленьких ушей,
Как блюдца, полные любовной песни,
И крылья, ветром выгнутые круто...

Не верь мне, бедное дитя, я лгу,
Я буду порываться, как казнимый,
Но не могу я через отчужденье
Переступить, и не могу твоим
Крылом плеснуть, и не могу мизинцем
Твоим коснуться глаз твоих, глазами
Твоими посмотреть. Ты во сто крат
Сильней меня, ты — песня о себе,
А я — наместник дерева и неба
И осужден твоим судом за песню.

ЗУММЕР

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.

Так последний связист под обстрелом,
От большого пути в стороне,
Прикрывает расстрелянным телом
Ящик свой на солдатском ремне.

На снегу в затвердевшей шинели,
Кулаки к подбородку прижав,
Он лежит, как дитя в колыбели,
Правотой несравненною прав.

Где когда-то с боями прошли мы
От большого пути в стороне,
Разбегается неповторимый
Терпкий звук на широкой волне.

Это старая честь боевая
Говорит:

— Я земля. Я земля, —
Под землей провода расправляя
И корнями овсов шевеля.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Еще в скорлупе мы висим на хвощах,
Мы — ранняя проба природы,
У нас еще кровь не красна, и в хрящах
Шумят силурийские воды,

Еще мы в пещере костра не зажгли
И мамонтов не рисовали,
Ни белого неба, ни черной земли
Богами еще не назвали.

А мы уже в горле у мира стоим
И бомбою мстим водородной
Еще не рожденным потомкам своим
За собственный грех первородный.

Ну что ж, златоверхие башни смахнем,
Развеем число Галилея
И Моцарта флейту продуем огнем,
От первого тлена хмелея.
Нам снится немая, как камень, земля
И небо, нагое без птицы,
И море без рыбы и без корабля,
Сухие, пустые глазницы.

В ДОРОГЕ

Где черный ветер, как налегчик,
Поет на языке блатном,
Проходит путевой обходчик,
Во всей степи один с огнем.

Над полосою отчужденья
Фонарь качается в руке,

Как два крыла из сновиденья
В середине ночи на реке.

И в желтом колыбельном свете
У мирозданья на краю
Я по единственной примете
Родную землю узнаю.

Есть в рельсах железнодорожных
Пророческий и смутный зов
Благословенных, невозможных,
Не спящих ночью городов.

И осторожно, как художник,
Следит проезжий за огнем,
Покуда железнодорожник
Не пропадет в краю степном.

○

*Мир ловил меня, но не поймал.
Автоэпитафия Григория Сковороды*

Где целовали степь курганы
Лицом в траву, как горбуны,
Где дробно били в барабаны
И пыль клубили табуны,

Где на рогах волы качали
Степное солнце чумака,
Где горькой патокой печали
Чадил костер из кизяка,

Где спали каменные бабы
В календаре былых времен

И по ночам сходились жабы
К ногам их плоским на поклон,

Там пробирался я к Азову:
Подставил грудь под суховой,
Босой, пошел на юг по зову
Судьбы скитальческой своей,

Топтал чабрец родного края
И ночевал — не помню где...
Я жил, невольно подражая
Григорию Сковороде.

Я грыз его благословенный,
Священный каменный сухарь,
Но по лицу моей вселенной
Он до меня прошел, как царь;

Пред ним прельстительные сети
Меняли тщетно цвет на цвет.
А я любил ячейки эти,
Мне и теперь свободы нет.

Не надивуюсь я величию
Счастливых помыслов его...
Но подари мне песню птичью
И степь — не знаю для чего.

Не для того ли, чтоб оттуда
В свой час при свете поздних звезд,
Благословив земное чудо,
Вернуться на родной погост?

АНЖЕЛО СЕККИ

— Прости, мой дорогой мерцовский экваториал!
Слова Секки

Здесь, в Риме, после долгого изгнания,
Седой, полуслепой, полуживой,
Один среди небесного сиянья,
Стоит он с непокрытой головой.

Дыханье Рима — как сухие травы.
Привет тебе, последняя ступень!
Судьба лукава, и цари не правы,
А все-таки настал и этот день.

От мерцовского экваториала
Он старых рук не властен оторвать;
Урания не станет, как бывало,
В пустынной этой башне пировать.

Глотая горький воздух, гладит Секки
Давным-давно не чищенную медь.
— Прекрасный друг, расстанемся навеки,
Дай мне теперь спокойно умереть.

Он сходит по ступеням обветшалым
К небытию, во прах, на Страшный суд,
И ласточки над экваториалом,
Как вестницы забвения, спуют.

Еще ребенком я оплакал эту
Высокую, мне родственную тень,
Чтоб, вслед за ней пройдя по белу свету,
Благословить последнюю ступень.

○

Пушкой меня простит Винсент Ван Гог
За то, что я помочь ему не мог,

За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге,

За то, что я не развязал шнурков
Его крестьянских пыльных башмаков,

За то, что в зной не дал ему напиться,
Не помешал в больнице застрелиться.

Стою себе, а надо мной навис
Закрученный, как пламя, кипарис.

Лимонный крон и темно-голубое, —
Без них не стал бы я самим собою;

Унизил бы я собственную речь,
Когда б чужую ношу сбросил с плеч.

А эта грубость ангела, с какою
Он свой мазок роднит с моей строкою,

Ведет и вас через его зрачок
Туда, где дышит звездами Ван Гог.

КОМИТАС

Ничего душа не хочет
И, не открывая глаз,
В небо смотрит и бормочет,
Как безумный Комитас.

Медленно идут светила
По спирали в вышине,
Будто их заговорила
Сила, спящая во мне.

Вся в крови моя рубаха,
Потому что и меня
Обдувает ветром страха
Стародавняя резня.

И опять Айя-Софии
Камень ходит предо мной,
И земля ступни босые
Обжигает мне золой.

Лазарь вышел из гробницы,
А ему и дела нет,
Что летит в его глазницы
Белый яблоневый цвет.

До утра в гортани воздух
Шелушится, как слюда,
И стоит в багровых звездах
Кривда Страшного суда.

ПАУЛЬ КЛЕЕ

Жил да был художник Пауль Клее
Где-то за горами, над лугами.
Он сидел себе один в аллее
С разноцветными карандашами,

Рисовал квадраты и крючочки,
Африку, ребенка на перроне,

Дьяволенка в голубой сорочке,
Звезды и зверей на небосклоне.

Не хотел он, чтоб его рисунки
Были честным паспортом природы,
Где послушно строятся по струнке
Люди, кони, города и воды.

Он хотел, чтоб линии и пятна,
Как кузнечики в июльском звоне,
Говорили слитно и понятно.
И однажды утром на картоне

Проступили крылышки и темя:
Ангел смерти стал обозначаться.
Понял Клее, что настало время
С Музой и знакомыми прощаться.

Попрощался и скончался Клее.
Ничего не может быть печальней!
Если б Клее был немного злее,
Ангел смерти был бы натуральней.

И тогда с художником все вместе
Мы бы тоже сгнули со света,
Порастряс бы ангел наши кости!
Но скажите мне: на что нам это?

На погосте хуже, чем в музее,
Где порой вы бродите, живые,
И висят рядком картины Клее —
Голубые, желтые, блажные...

СТАНЬ САМИМ СОБОЙ

Werde der du bist...
Гёте

Когда тебе придется туго,
Найдешь и сто рублей и друга.
Себя найти куда трудней,
Чем друга или сто рублей.

Ты вывернешься наизнанку,
Себя обшаришь спозаранку,
В одно смешаешь явь и сны,
Увидишь мир со стороны

И все и всех найдешь в порядке.
А ты — как ряженный на святки —
Играешь в прятки сам с собой,
С твоим искусством и судьбой.

В чужом костюме ходит Гамлет
И кое-что про что-то мямлет, —
Он хочет Моисе играть,
А не врагов отца карать.

Из миллионов вероятий
Тебе одно придется кстатн,
Но не дается, как назло,
Твое заветное число.

Загородил полнеба гений,
Не по тебе его ступени,
Но даже под его стопой
Ты должен стать самим собой.

Найдешь и у пророка слово,
Но слово лучше у негого,
И ярче краска у слепца,
Когда отыскан угол зренья
И ты при вспышке озаренья
Собой угадан до конца.

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Их так немного было у меня,
Все умерли, все умерли.
Не знаю,
Какому раю мог бы я доверить
Последнее дыханье их.
Не знаю,
Какой земле доверить мог бы я
Холодный этот прах. Одним огнем
Нам опалило щеки. Мы делили
Одну судьбу. Они достойней были
И умерли, а я еще живу.
Но я не стану их благодарить
За дивный дар, мне выпавший на долю,
Я не хотел столь дорогой ценою
Купить его. Мне — их благодарить?
Да разве я посмею им признаться,
Что я дышу, и вдовы их глядят
В глаза мои — пусть не в глаза, а мимо, —
Признаться им — без укоризны? Нет,
Я вдов не очерню пред мертвецами,
Вдова пройдет сторонкою и скажет...
Им все равно, что скажут вдовы их.
Благодарить за то, что я хотел бы
На их могилы принести цветы
В живых руках, дыша благоуханьем,

За шагом шаг ступая по траве,
По их траве, когда они лежат
В сырой земле и двинуться не могут.
Что — двинуться? Когда их больше нет.
Ни я, ни вы, никто не нужен им,
А я без них — с кем буду хлеб делить,
С кем буду пить вино в мой светлый час,
Кому скажу:
Какой сегодня ветер,
Как зелена трава и небо сине?

СТИРКА БЕЛЬЯ

Марина стирает белье.
В гордыне шипучую пену
Рабочие руки ее
Швыряют на голую стену.

Белье выжимает. Окно —
На улицу настезь, и платье
Развешивает.
  Все равно,
Пусть видят и это распятье.

Гудит самолет за окном,
По тазу расходится пена,
Впервой надрывается днем
Воздушной тревоги сирена.

От серого платья в окне
Темнеют четыре аршина
До двери.
  Как в речке на дне —
В зеленых потемках Марина.

Два месяца ровно со лба
Отбрасывать пряди упрямо,
А дальше хозяйка — судьба,
И переупрямит над Камой...

Друзья, правдолюбцы, хозяева
Продутых смертями времен,
Что вам прочитала Цветаева,
Придя со своих похорон?

Присыпаны глиною волосы,
И глины желтее рука,
И стало так тихо, что голоса
Не слышал я издалека.

Быть может, его назначение
Лишь в том, чтобы, став на носки,
Без роздыха взять ударение
На горке нечетной строки.

Какие над Камой последние
Слова ей на память пришли
В ту горькую, все еще летнюю,
Горячую пору земли.

Солдат на войну провожающей
И вдбвой, как рбдная мать,
Земли, у которой была еще
Повадка чужих не ласкать?

Всем клином, всей вашей державою
Вы там, за последней чертой —
Со всей вашей правдой неправою
И праведной неправотой.

Я слышу, я не оплю, зовешь меня, Марина,
Поешь, Марина, мне, крылом грозишь, Марина,
Как трубы ангелов над городом поют,
И только горечью своей неисцелимой
Наш хлеб отравленный возьмешь на Страшный суд,
Как брали прах родной у стен Иерусалима
Изгнанники, когда псалмы слагал Давид
И враг шатры свои раскинул на Сионе.
А у меня в ушах твой смертный зов стоит,
За черным облаком твое крыло горит
Огнем пророческим на диком небосклоне.

КАК ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА ТОМУ НАЗАД

И что ни человек, то смерть; и что ни
Былинка, то в огонь и под каблук,
Но мне и в этом скрежете и стоне
Другая смерть слышнее всех разлук.

Зачем — стрела — я не сгорел на лоне
Пожарища? Зачем свой полукруг
Не завершил? Зачем я на ладони
Жизнь, как стрижа, держу? Где лучший друг,

Где божество мое, где ангел гнева
И праведности? Справа кровь и слева
Кровь. Но твоя, бескровная, стократ
Смертельней.

Я отброшен тетивой
Войны, и глаз твоих я не закрою.
И чем я виноват, чем виноват?

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА

Не речи, —

нет, я не хочу
Твоих сокровищ — клятв и плачей, —
Пера я не переучу
И горла не переиначу, —

Не смелостью пред смертью, — ты
Все замыслы довоплотила
В свои тетради до черты,
Где кончились твои чернила, —

Не первородству, —

я отдам
Свое, чтобы тебе по праву
На лишний день вручили там,
В земле, — твою земную славу, —

Не дерзости твоих страстей
И не тому, что все едино,
А только памяти твоей
Из гроба научи, Марина!

Как я боюсь тебя забыть
И променять в одно мгновенье
Прямую фосфорную нить
На удвоенье, утроенье
Рифм —

и в твоём стихотвореньи
Тебя опять похоронить.

ПОЭТ

Жил на свете рыцарь бедный...
А. С. Пушкин

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задержанная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он как дар
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой из пике.

Оперенный рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, —
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Черный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам спую по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

ПАМЯТИ А. А. АХМАТОВОЙ

I

Стелил я снежную постель,
Луга и рощи обезглавил,
К твоим ногам прильнуть заставил
Сладчайший лавр, горчайший хмель.

Но марта не сменил апрель
На страже росписей и правил.
Я памятник тебе поставил
На самой слезной из земель.

Под небом северным стою
Пред белой, бедной, непокорной
Твоею высотой горной

И сам себя не узнаю,
Один, один в рубахе черной
В твоём грядущем, как в раю.

II

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета,
Смирненное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.

Но смысл его был непонятен,
А если понять — не сберечь,
И был он, как небыль, невнятен

И разве что — в трепете пятен
Вокруг оплывающих свеч.

И тень бездомной гордыни
По черному Невскому льду,
По снежной Балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех на виду.

III

Домой, домой, домой,
Под сосны в Комарове...
О, смертный ангел мой
С венками в изголовье,
В косынке кружевной,
С крылами наготове!

Как для деревьев снег,
Так для земли не бремя
Открытый твой ковчег,
Плывущий перед всеми
В твой двадцать первый век,
Из времени во время.

Последний луч несла
Зима над головою,
Как первый взмах крыла
Из-под карельской хвои,
И звезды ночь зажгла
Над снежной синевою.

И мы тебе всю ночь
Бессмертье обещали,

Нестройным звоном отвечает рогу
Карельских сосен морок слюдяной.

Что, если память вне земных условий
Бессильна день восстановить в ночи?
Что, если тень, покинув землю, в слове

Не пьет бессмертья?
Сердце, замолчи,
Не лги, глотни еще немного крови,
Благослови рассветные лучи.

○

Невысокие, сырые
Были комнаты в дому.
Называть ее Марией
Горько сердцу моему.

Три окошка, три ступени,
Темный дикий виноград.
Бедной жизни бедный гений
Из окошка смотрит в сад.

И десятый вальс Шопена
До конца не дозвучит,
Свежескошенного сена
Рядом струйка пробежит.

Не забудешь? Не изменишь?
Не расскажешь никому?
А потом был продан Рениш,
Только шелк шумел в дому.

Синий шелк простого платья,
И душа еще была
От последнего объятия
Легче птичьего крыла.

В листьях, за ночь облетевших,
Невысокое крыльцо,
И на пальцах похудевших
Бирюзовое кольцо,

И горячечный румянец,
Серо-синие глаза,
И снежинок ранний танец,
Почерневшая лоза.

Шубку на плечи, смеется,
Не наденет в рукава.
Ветер дунет, снег взовьется...
Вот и все, чем смерть жива.

С безымянного пальца кольцо
В третий раз поневоле скатилось,
Из-под каменной маски светилось
Искаженное горем лицо.

Никому, никогда, ни при ком
Ни слезы, среди людей, как в пустыне,
Одержимая вдовьей гордыней,
Одиночества смертным грехом.

Но стоит над могильным холмом
Выше облака снежной колонной
Царский голос ее, просветленный
Одиночества смертным грехом.

Отпусти же и мне этот грех.
Отпусти, как тебе отпустили.
Снег лежит у тебя на могиле.
Снег слетает на землю при всех.

МАРТОВСКИЙ СНЕГ

По такому белому снегу
Белый ангел альфу-омегу
Мог бы крыльями написать
И лебяжью смертную негу
Ниспослать мне как благодать.

Но и в этом снежном застое
Еле слышно о непокое
Сосны черные говорят:
Накипает под их корою
Сумасшедший слезный разлад.

Верхней ветви — семь верст до неба,
Нищей птице — ни крошки хлеба,
Сердцу — будто игла насквозь:
Велика ли его потреба, —
Лишь бы небо впору пришлось.

А по тем снегам из-за лога
Наплывает гулом тревога,
И чужда себе, предо мной
Жизнь земная, моя дорога
Бредит под своей сединой.

ОЛИВЫ

Марине Т.

Дорога ведет под обрыв,
Где стала трава на колени
И призраки диких олив,
На камни рога положив,
Застыли, как стадо оленей.

Мне странно, что я еще жив
Средь стольких могил и видений.

Я сторож вечерних часов
И серой листвы надо мною.
Осеннее небо мой кров.
Не помню я собственных снов
И слез твоих поздних не стою.
Давно у меня за спиною
В камнях затерялся твой зов.

А где-то судьба моя прячет
Ключи у степного костра,
И спутник ее до утра
В багровой рубахе маячит.
Ключи она прячет и плачет
О том, что ей песня сестра
И в путь собираться пора.

Седые оливы, рога мне
Кладите на плечи теперь,
Кладите рога, как на камни:
Святой колыбелью была мне
Земля похорон и потерь.

○

Стол накрыт на шестерых —
Розы да хрусталь...
А среди гостей моих —
Горе да печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.

Час проходит. Наконец
У дверей стучат.

Как двенадцать лет назад,
Холодна рука,
И немодные шумят
Синие шелка.

И вино поет из тьмы,
И звенит стекло:
«Как тебя любили мы,
Сколько лет прошло».

Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

«Каблучки мои в пыли,
Выцвела коса,
И звучат из-под земли
Наши голоса».

ПУШКИНСКИЕ ЭПИГРАФЫ

*Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила...*

«Зимний вечер»

I

Почему, скажи, сестрица,
Не из Божьего ковша,
А из нашего напиться
Захотела ты, душа?

Человеческое тело
Ненадежное жилье,
Ты влетела слишком смело
В сердце тесное мое.

Тело может истомиться,
Яду невзначай глотнуть,
И потянешься, как птица,
От меня в обратный путь.

Но когда ты отзывалась
На призывы бытия,
Непосильной мне казалась
Ноша бедная моя, —

Может быть, и так случится,
Что, закончив перелет,
Будешь биться, биться, биться —
И не отомкнут ворот.

Пой о том, как ты земную
Боль, и соль, и желчь пила,
Как входила в плоть живую
Смертоносная игла,

Пой, бродяжка, пой, синица,
Для которой корма нет,
Пой, как саваном ложится
Снег на яблоневый цвет,

Как возвысилась пшеница
Да побил пшеницу град...
Пой, хоть время прекратится,
Пой, на то ты и певица,
Пой, душа, тебя простят.

*...Как мимолетное виденье,
 Как гений чистой красоты...
 «К***»*

Как тот Кавказский Пленник в яме,
 Из глины нищеты моей
 И я неловкими руками
 Лепил свистульки для детей.

Не испытав закала в печке,
 Должно быть, вскоре на куски
 Ломались козлики, овечки,
 Верблюдики и петушки.

Бросали дети мне объедки,
 Искусство жалкое ценя,
 И в яму, как на зверя в клетке,
 Смотрели сверху на меня.

Прислав сердечную тревогу,
 Я забывал, что пела мать,
 И научился понемногу
 Мне чуждый лепет понимать.

Я смутно жил, но во спасенье
 Души, изнывшей в полусне,
 Как мимолетное виденье,
 Опять явилась муза мне,

И лестницу мне опустила,
 И вывела на белый свет,
 И леность сердца мне простила,
 Пусть хоть теперь, на склоне лет.

*Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь...*

Разобрал головоломку —
Не могу ее сложить.
Подскажи хоть ты потомку,
Как на свете надо жить —

Ради неба, или ради
Хлеба и тщеты земной,
Ради сказанных в тетради
Слов идущему за мной?

Под окном — река забвенья,
Испарения болот.
Хмель чужого поколенья
И тревожит, и влечет.

Я кричу, а он не слышит,
Жжет свечу до бела дня,
Будто мне в ответ он пишет:
«Что тревожишь ты меня?»

Я не стою ни полслова
Из его черновика,
Что ни слово — для другого,
Через годы и века.

Боже правый, неужели
Вслед за ним пройду и я
В жизнь из жизни мимо цели,
Мимо смысла бытия?

*Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть...
«Скупой рыцарь»*

В магазине меня обсчитали:
Мой целковый кассирше нужней.
Но каких несравненных печалей
Не дарили мне в жизни моей.

В снежном, полном веселости мире,
Где алмазная светится высь,
Прямо в грудь мне стреляли, как в тире,
За душой, как за призом, гнались;

Хорошо мне изранили тело
И не взяли за то ни копья,
Безвозмездно мне сердце изъела
Драгоценная ревность моя;

Клевета расстилала мне сети,
Голубевшие, как бирюза,
Наилучшие люди на свете
С царской щедростью лгали в глаза.

Был бы хлеб. Ни богатства, ни славы
Мне в моих сундуках не беречь.
Не гадал мой даритель лукавый,
Что вручил мне с подарками право
На прямую свободную речь.

ЭРЕБУНИ

Они хотели всем народом
Распад могильный обмануть
И араратским кислородом
Продуть холма сухую грудь.

Под спудом бусина синела,
И в черноте черным-черно
Чернело и окаменело
В кувшине царское зерно.

Кремля скалистые основы
Уже до пят оголены.
И в струнку стал кирпич сырцовый
Подштукатуренной стены.

А ласточки свой посвист длинный
Натягивают на лету
На подновленные руины
Во всю их ширь и пустоту.

Им только бы земля пестрела
В последних числах ноября,
И нет им никакого дела
До пририсованного тела
Давно истлевшего царя.

КОРА

Когда я вечную разлуку
Хлебну, как ледяную ртуть,
Не уходи, но дай мне руку
И проводи в последний путь.

---

¹ *Кора* (греч.: дева) — Персефона.

Постой у смертного порога
До темноты, как луч дневной,
Побудь со мной еще немного
Хоть в трех аршинах надо мной.

Ужасный рот царицы Кору
Улыбкой привечает нас,
И душу обнажают взоры
Ее слепых загробных глаз.

КАКТУС

Далеко, далеко, за полсвета
От родимых долгот и широт,
Допотопное чудище это
У меня на окошке живет.

Что ему до воκлюзского лавра
И персидских мучительниц-роз,
Если он под пятой бронтозавра
Ластовидной листвою оброс?

Терпеливый приемыш чужбины,
Доживая сотысячный век,
Гонит он из тугой сердцевины
Восковой криворукий побег.

Жажда жизни кору пробивала, —
Он живет во всю ширь своих плеч
Той же силой, что нам даровала
И в могилах звучащую речь.

ВЕРБЛЮД

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках,
Как вата в столетнем халате.

Должно быть, молясь на восток,
Кочевники перемудрили,
В подшерсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.

Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,
Нещедрый пустынный-господь
Слепил из отходов творенья.

И в ноздри вложили замок,
А в душу — печаль и величье,
И, верно, с тех пор погромом
На шее болтается птичьей.

По Черным и Красным пескам
По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам
Копейки под старость не нажил.

Привыкла верблюжья душа
К пустыне, тюкам и побоям.
А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

ПОРТРЕТ

Никого со мною нет.
На стене висит портрет.
По слепым глазам старухи
Ходят мухи,
                                мухи,
  мухи.
— Хорошо ли, — говорю, —
Под стеклом в твоём раю?

По щеке сползает муха,
Отвечает мне старуха:

— А тебе в твоём доме
Хорошо ли одному?

АРДОН¹

1

Я скомкал письмо и коня оседлал.
По сморщенной коже горы,
Царапая ребра обветренных скал,
Кудахча, бежали двory.

Я плетью ременной ударил коня,
Любовью твоей обойден,
И конь мой рванулся и вынес меня
Туда, где клубился Ардон.

---

¹ Ардон — река на Северном Кавказе.

Изрубленный насмерть, он был одинок
На бешеном ложе своем,
Взбежать на постылую гору не мог
И ринулся вниз напролом.

А все-таки в памяти он сохранил
Седых берегов забытье,
Сухой известняк безымянных могил
И скифское имя свое.

2

И криком орлиным, и хлопаньем крыльев
Гоним, я в долину бежал от гнезда,
На влажные камни я лег, обессилев.
— Охотник, ты струсил! — кричала вода.

Я поднял винтовку и выстрелил в пену,
И встала река во весь рост предо мной,
И камни пошли на отвесную стену,
И рыба хлестала в пыли водяной.

Я спал. На земле и любили, и пели,
И, может быть, ты приходила сюда,
Но пальцы мои задевали форели,
И шла надо мной ледяная вода.

Недаром покоя ты мне пожелала,
Спасибо за память! Я видел во сне:
Бегу, а любовь мне лицо исклевала —
Ардон этой ночью привиделся мне.

КАРЛОВЫ ВАРЫ

Даже песня дается недаром,
И уж если намучились мы,
То какими дрожжами и жаром
Здесь когда-то вздымало холмы?

А холмам на широкую спину,
Как в седло, посадили кремли
И с ячменных полей десятину
В добрый Пильзен варить повезли.

Расцветай же, как лучшая роза
В наилучшем трехмерном плену,
Дорогая житейская проза,
Воспитавшая эту страну.

Пойте, честные чешские птицы,
Пойте, птицы, пока по холмам
Бродит грузный и розоволицый
Старый Гёте, столь преданный вам.

ЦЕЙСКИЙ ЛЕДНИК

Друг, за чашу благодарствуй,
Небо я держу в руке,
Горный воздух государства
Пью на Цейском леднике.

Здесь хранит сама природа
Явный след былых времен —
Девятнадцатого года
Очистительный озон.

А внизу из труб Садона
Сизый тянется дымок,
Чтоб меня во время оно
Этот холод не увлек.

Там над крышами, как сетка,
Дождик дышит и дрожит,
И по нитке вагонетка
Черной бусинкой бежит.

Я присутствую при встрече
Двух времен и двух высот,
И колючий снег на плечи
Старый Цее мне кладет.

БАЛЕТ

Пиликает скрипка, гудит барабан,
И флейта свистит по-эльзасски,
На сцену въезжает картонный рыдван
С раскрашенной куклой из сказки.

Оттуда ее вынимает партнер,
Под ляжку подставив ей руку,
И тащит силком на гостиничный двор
К пиратам на верную муку.

Те точат кинжалы, и крутят усы,
И топают в такт каблуками,
Карманные враз вынимают часы
И дико сверкают белками, —

Мол, резать пора! Но в клубничном трико,
В своем лебедином крахмале,

Над рампою прима взлетает легко,
И что-то вибрирует в зале.

Сценической чуши магический ток
Находит, как свист соловьиный,
И пробует волю твою на зубок
Холодный расчет балерины.

И весь этот пот, этот грим, этот клей,
Смуцавшие вкус твой и чувства,
Уже завладели душою твоей.
Так что же такое искусство?

Наверное, будет угадана связь
Меж сценой и Дантовым адом,
Иначе откуда бы площадь взялась
Со всей этой шушерой рядом?

○

Из просеки, лунным стеклом
По самое горло залитой,
Рулады свои напролом
Катил соловей знаменитый.

Он был и дитя, и поэт.
И силы у вечера нету,
Чтоб застить пленительный свет
Такому большому поэту.

Он пел, потому что не мог
Не петь, потому что у крови
Есть самоубийственный срок
И страсть вне житейских условий.

Покуда при поздней звезде
Бродяжило по миру лихо,
Спокойно в семейном гнезде
Дремала его соловьяха.

КУЗНЕЧИКИ

1

Тикают ходики, ветер горячий
В полдень снует челноком по Москве,
Люди бегут к поездам, а на даче
Пляшут кузнечики в желтой траве.

Кто не видал, как сухую солому
Пилит кузнечик стальным терпугом?
С каждой минутой по новому дому
Спичечный город растет за углом.

Если бы мог я прийти на субботник,
С ними бы стал городить городок,
Я бы им строил, бетонщик и плотник,
Каменщик, я бы им камень толк.

Я бы точил топоры — я точильщик,
Я бы ковать им помог — я кузнец,
Кровельщик я, и стекольщик, и пильщик.
Я бы им песню пропел, наконец.

2

Кузнечик на лугу стрекочет
В своей защитной плащ-палатке,
Не то кует, не то пророчит,

Не то свой луг разрезать хочет
На трехвершковые площадки,
Не то он лугового бога
На языке зеленом просит:
— Дай мне пожить ещё немного,
Пока травы коса не косит!

ЛАЗУРНЫЙ ЛУЧ

*Тогда я запер на замок двери своего
дома и ушел вместе с другими.*

Г. Уэллс

Сам не знаю, что со мною:
И последыш и пророк,
Что ни сбудется с землею
Вижу вдоль и поперек.

Кто у мачехи-Европы
Молока не воровал?
Мотоциклы, как циклопы,
Заглотали перевал,

Шелестящие машины
Держат путь на океан,
И горячий дух резины
Дышит в пеших горожан.

Слесаря, портные, прачки
По шоссе, как муравьи,
Катят каторжные тачки,
Волокут узлы свои.

Потеряла мать ребенка,
Воздух довит рыбьим ртом,
А из рук торчит пеленка
И бутылка с молоком.

Паралитик на коляске
Боком валится в кювет,
Бельма вылезли из маски,
Никому и дела нет.

Спотыкается священник
И бормочет:
— Умер бог, —
Голубки бумажных денег
Вылетают из-под ног.

К пристаням нельзя пробиться,
И Европа пред собой
Смотрит, как самоубийца,
Не мигая, на прибор.

В океане по колена,
Белый и большой, как бык,
У причала роет пену,
Накренься, «Трансатлантик».

А еще одно мгновенье —
И от Страшного суда,
Как надежда на спасенье
Он отвалит навсегда.

По сто раз на дню, как брата,
Распинали вы меня,
Нет вам к прошлому возврата,
Вам подземка не броня.

НОВОСЕЛЬЕ

Исполнены диллювиальной веры,
В извечный быт у счастья под крылом,
Они переезжали из пещеры
В свой новый дом.

Не странно ли? В квартире так недавно
Царили кисть, линейка и алмаз,
И с чистотою, нимфой богоравной,
Бог пустоты здесь прятался от нас.

Но четверо нечленов профсоюза —
Атлант, Сизиф, Геракл и Одиссей —
Контейнеры, трещавшие от груза,
Внесли, бахвалясь алчностью своей.

По-жречески приплясывая рьяно,
С молитвенным закланием «наддай!»
Втащили Попокатепетль дивана,
Малиновый, как перевозданный рай,

И, показав, на что они способны,
Без помощи своих железных рук
Вскочили на буфет пятиутробный
И Афродиту подняли на крюк.

Как нежный сгусток розового сала,
Она плыла по морю одеял
Туда, где люстра, как фазан, сияла
И свет зари за шторой умирал.

Четыре мужа, Анадиомене
Воздав смущенно страстные хвалы,
Ушли.

Хозяйка, преклонив колени,
Взялась за чемоданы и узлы.

Хозяин расставлял фасфор.
Не всякий
Один сюжет ему придать бы мог.

Здесь были:

свиньи,
чашки
и собаки,
Наполеон
и Китеж-городок.

Он отыскал собранье сочинений
Молоховец —
и в кабинет унес,
И каждый том, который создал гений,
Подставил, как Борей, под пылесос.

Потом, на час покинув нашу эру
И новый дом со всем своим добром,
Вскочил в такси
и покатил в пещеру,
Где ползал в детстве перед очагом.

Там Пень стоял — дубовый, в три обхвата,
Хранитель рода и Податель сил.
О, как любил он этот Пень когда-то!
И как берег! И как боготворил!

И Пень теперь в гостиной, в сердцевине
Диковинного капища вещей
Гордится перед греческой богиней
Неоспоримой древностью своей.

Когда на праздник новоселья гости
Сошлись и дом поставили вверх дном,
Как древле — прадед,
мамонтовы кости

На нем
рубил
хозяин
топором!

ЭВРИДИКА

У человека тело
Одно, как одиночка.
Душе осточертела
Сплошная оболочка
С ушами и глазами
Величиной с пятак
И кожей — шрам на шраме,
Надетой на костяк.

Летит сквозь роговицу
В небесную криницу,
На ледяную спицу,
На птичью колесницу
И слышит сквозь решетку
Живой тюрьмы своей
Лесов и нив трещотку,
Трубу семи морей.

Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки, —
Ни помысла, ни дела,
Ни замысла, ни строчки.
Загадка без разгадки:

Кто возвратится вспять,
Сплясав на той площадке,
Где некому плясать?

И снится мне другая
Душа, в другой одежде:
Горит, перебегая
От робости к надежде,
Огнем, как спирт, без тени
Уходит по земле.
На память проздь сирени
Оставив на столе.

Дитя, беги, не сетуй
Над Эвридикой бедной
И палочкой по свету
Гони свой обруч медный,
Пока хоть в четверть слуха
В ответ на каждый шаг
И весело и сухо.
Земля шумит в ушах.

МЩЕНИЕ АХИЛЛА

Фиолетовой от зноя,
Остывающей рукой
Рану смертную потрогал
Умиравший Патрокл,

И последнее, что слышал —
Запредельный вой тетив,
И последнее, что видел —
Пальцы склеивает кровь.

Мертв лежит он в чистом поле,
И Ахилл не пьет, не ест,
И пока ломает руки,
Щит кует ему Гефест.

Равнодушно пьют герои
Хмель времен и хмель могил,
Мчит вокруг горящей Трои
Тело Гектора Ахилл.

Пожалел Ахилл Приама,
И несет старик Приам
Мимо дома, мимо храма
Жертву мстительным богам.

Не Ахилл разрушит Трои,
И его лучистый щит
Справедливую рукою
Новый мститель сокрушит.

И ещё на город ляжет
Семь пластов сухой земли,
И стоит Ахилл по плечи
В щебне, прахе и золе.

Так не дай пролить мне крови,
Чистой, грешной, дорогой,
Чтобы клейкой красной глины
В смертный час не мять рукой.

Пляшет перед звездами звезда,
Пляшет колокольчиком вода,
Пляшет шмель и в дудочку дудит,
Пляшет перед скинией Давид.

Плачет птица об одном крыле,
Плачет погорелец на золе,
Плачет мать над люлькою пустой,
Плачет крепкий камень под пятой.

ДОМ НАПРОТИВ

Ломали старый деревянный дом.
Уехали жильцы со всем добром —

С диванами, кастрюлями, цветами,
Косыми зеркалами и котами.

Старик взглянул на дом с грузовика,
И время подхватило старика,

И все осталось навсегда как было.
Но обнажились между тем стропила,

Забрезжила в проемах без стекла
Сухая пыль, и выступила мгла.

Остались в доме сны, воспоминанья,
Забывшие надежды и желанья.

Сруб разобрали, бревна увезли.
Но ни на шаг от милой им земли

Не отходили призраки былого
И про рябину песню пели снова,

На свадьбах пили белое вино,
Ходили на работу и в кино,

Гробы на полотенцах выносили
И друг у друга денег в долг просили,

И спали парами в пуховиках,
И первенцев держали на руках,

Пока железная десна машины
Не выгрызла их шелудивой глины,

Пока над ними кран, как буква «Г»,
Не повернулся на одной ноге.

О

Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был
И что я презирал, ненавидел, любил.

Начинается новая жизнь для меня,
И прощаюсь я с кожей вчерашнего дня.

Больше я от себя не желаю вестей
И прощаюсь с собою до мозга костей,

И уже, наконец, над собою стою,
Отделяю постылую душу мою,

В пустоте оставляю себя самого,
Равнодушно смотрю на себя — на него.

Здравствуй, здравствуй, моя ледяная броня,
Здравствуй, хлеб без меня и вино без меня,

Сновидения ночи и бабочки дня,
Здравствуй, всё без меня и вы все без меня!

Я читаю страницы неписанных книг,
Слышу круглого яблока круглый язык,

Слышу белого облака белую речь,
Но ни слова для вас не умею сберечь,

Потому что сосудом скудельным я был
И не знаю, зачем сам себя я разбил.

Больше сферы подвижной в руке не держу
И ни слова без слова я вам не скажу.

А когда-то во мне находили слова
Люди, рыбы и камни, листва и трава.

ДУМА

В. Бугаевскому

И горько стало мне, что жизнь моя прошла,
Что ради замысла я потрудился мало,
Но за меня добро вставало против зла,
И правда за меня под кривдой умирала.

Я не в младенчестве, а там, где жизни ждал,
В крови у пращуров, у древних трав под спудом,
И целью, и путем враждующих начал,
Предметом спора их я стал каким-то чудом.

И если в дерево впивается пила,
И око божие затравленного зверя,
Как мутная вода, подергивает мгла,
И мается дитя, своим врачам не веря,

И если изморозь ложится на хлеба,
И нефть в Освенциме пылает предо мною,

Я не могу сказать, что такова судьба,
И горько верить мне, что я тому виною.

Когда была война, поистине как ночь
Была моя душа. Но — жертва всех сражений —
Как зверь ощерившись, пошла добру помочь
Душа, глотая смерть, — мой беззащитный гений.

Все на земле живет порукой круговой,
И если за меня покоя веков боролась
Листва древесная — я должен стать листвою,
И каждому зерну подать я должен голос.

Все на земле живет порукой круговой:
Созвездье, и земля, и человек, и птица.
А кто служил добру, летит вниз головой
В их омут царственный и смерти не боится.

Он выплывет еще и сразу, как пловец,
С такою влагою навеки породнится,
Что он и сам сказать не сможет наконец,
Звезда он, иль земля, иль человек, иль птица.

ПОЗДНЯЯ ЗРЕЛОСТЬ

Не для того ли мне поздняя зрелость,
Чтобы, за сердце схватившись, оплакать
Каждого слова сентябрьскую спелость,
Яблока тяжесть, шиповника мякоть,

Над лесосекой тянувшийся порох,
Сухость брусничной поляны, и ради
Правды — вернуться к стихам, от которых
Только помарки остались в тетради.

Все, что собрали, сложили в корзины,
И на мосту прогремела телега.
Дай мне ещё наклониться с вершины,
Дай удержаться до первого снега.

ПЕСНЯ

Давно мои ранние годы прошли
По самому краю,
По самому краю родимой земли,
По скошенной мяте, по синему раю,
И я этот рай навсегда потеряю.

Колышется ива на том берегу,
Как белые руки.
Пройти до конца по мосту не могу,
Но лучшего имени влажные звуки
На память я взял при последней разлуке.

Стоит у излуки
И моет в воде свои белые руки,
А я перед ней в неоплатном долгу.
Сказал бы я, кто на поемном лугу,
На том берегу,
За ивой стоит, как русалка над речкой,
И с пальца на палец бросает колечко.

Мне другие мерещатся тени,
Мне другая поет нищета.
Переплетчик забыл о шагрени,
И красильщик не красит холста,

И кузнечная музыка счетом
На три четверти в три молотка
Не проявится за поворотом
Перед выездом из городка.

За коклюшки свои кружевница
Под окном не садится с утра,
И лудильщик, цыганская птица,
Не чадит кислотой у костра,

Златобит молоток свой забросил,
Златошвейная кончилась нить.
Наблюдать умиранье ремесел
Все равно, что себя хоронить.

И уже электронная лира
От своих программистов тайком
Сочиняет стихи Кантемира,
Чтобы собственным кончить стихом.

Меркнет зрение — сила моя,
Два незримых алмазных копья;
Глохнет слух, полный давнего грома
И дыхания отчего дома;
Жестких мышц ослабели узлы,
Как на пашне седые волны;
И не светятся больше ночами
Два крыла у меня за плечами.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мне воск поутру,

И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.

Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало.

Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Все горело светло,
Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.

Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло,
Только этого мало.

Какие скорбные просторы,
Какие мокрые заборы
И эта полунагота
Деревьев, эта нищета,
Когда уже скрывать не нужно
Ни жалких слез, ни старых ран,
Как будто в слабости недужной
Всего желанней не обман,
А мелкий дождь, сквозной туман
И тленья вкрадчивый дурман.

Деревья лгут. Зачем все это
Оцепененье желтизны,
Где столько воздуха и света
Тебе напоминает сны,
Когда ты падаешь и знаешь,
Что это — смерть, и, пробудясь,
Почти мгновенно забываешь
С ночными призраками связь?

Не верь деревьям. В эту пору
Они — притворщики. Они
Солгут, что твоему позору
Их обнажение сродни,
Что между сучьями нагими
Есть руки слабые твои,
Что и они могли бы ими
Коснуться неба в забытии,
Но есть еще соблазн паденья
На лоно матери-земли,
И только смертного томленья
Их листья не превозмогли.

Не верь их нищему покою,
Тебя обманывает он,
Деревьям нужно быть с тобою —
И взять тебя в свой зимний сон,
Озябнуть у холодной дачи
От поздних листьев до корней,
И лгать, что лед в крови горячей
Тем сладостней, чем жить трудней.

В последний месяц осени,
На склоне
Горчайшей жизни,
Исполненный печали,
Я вошел
В безлиственный и безымянный лес.
Он был по край омыт
Молочно-белым
Стеклом тумана.
По седым ветвям
Стекали слезы чистые,
Какими
Одни деревья плачут накануне
Всеобесцвечивающей зимы.
И тут случилось чудо:
На закате
Забрезжила из тучи синева,
И яркий луч пробился, как в июне,
Из дней грядущих в прошлое мое.
И плакали деревья накануне
Благих трудов и праздничных щедрот
Счастливых бурь, клубящихся в лазури,
И повели синицы хоровод,
Как будто руки по клавиатуре
Шли от земли до самых верхних нот.

Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев,
Опустошенные, сплюснутые пузыри кислорода,
Кровли птичьих гнездовий, опора летнего неба,
Крылья замученных бабочек, охра и пурпур надежды
На драгоценную жизнь, на раздоры и примиренья;
Падайте наискось наземь, горите в кострах!

дотлевайте,

Лодочки глупых сульфид, у нас под ногами. А дети
Северных птиц улетают на юг, ни с кем не прощаясь.
Листья, братья мои, дайте знак, что через полгода
Ваша зеленая смена оденет нагие деревья.
Листья, братья мои, внушите мне полную веру
В силы и зренье благое мое и мое осязанье,
Листья, братья мои, укрепите меня в этой жизни,
Листья, братья мои, на ветвях удержитесь до снега.

ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ

1

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

2

Живите в доме — и не рухнет дом.
 Я вызову любое из столетий,
 Войду в него и дом построю в нем.
 Вот почему со мною ваши дети
 И жены ваши за одним столом, —
 А стол один и прадеду и внуку:
 Грядущее свершается сейчас,
 И если я приподымаю руку,
 Все пять лучей останутся у вас.
 Я каждый день минувшего, как крепью,
 Ключицами своими подпирал,
 Измерил время землемерной цепью.
 И сквозь него прошел, как сквозь Урал.

3

Я век себе по росту подбирал.
 Мы шли на юг, держали пыль над степью;
 Бурьян чадил; кузнечик баловал,
 Подковы трогал усом, и пророчил,
 И гибелью грозил мне, как монах.
 Судьбу свою к седлу я приторочил;
 Я и сейчас, в грядущих временах,
 Как мальчик, привстаю на стремянах.
 Мне моего бессмертия довольно,
 Чтоб кровь моя из века в век текла.
 За верный угол ровного тепла
 Я жизнью заплатил бы своевольно,
 Когда б её летучая игла
 Меня, как нить, по свету не вела.

И это снилось мне, и это снится мне,
И это мне еще когда-нибудь приснится,
И повторится все, и все довоплотится,
И вам приснится все, что видел я во сне.

Там, в стороне от нас, от мира в стороне
Волна идет вослед волне о берег биться,
А на волне звезда, и человек, и птица,
И явь, и сны, и смерть — волна вослед волне.

Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду,
Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду
Один, как сирота, я сам себя кладу,
Один, среди зеркал — в ограде отражений
Морей и городов, лучащихся в чаду.
И мать в слезах берет ребенка на колени.

ЧУДО СО ЩЕГЛОМ

(Поселковая повесть)

Врач: я две ночи нес наблюдение вместе с вами, но не вижу ни малейшего подтверждения вашему рассказу. Когда она бродила последний раз?

Придворная дама: С тех пор, как его величество выступил в поход, я видела не однажды, как она вставала, накидывала на себя ночной халат...

...*Смотрите, вот она идет!*

Шекспир. «Макбет»

1

Снимал я комнату когда-то
В холодном доме на Двадцатой¹
Версте, а за моей стеной
Нескромно со своей женой
Питомец жил консерваторский,
Пел, как Шаляпин и Касторский,
Но громче и, как Рейзен, в нос.
В передней жил облезлый пес, —
Пушком его звала хозяйка.
Она была как балалайка,
Вся — вниз. Вверху торчал пучок
Величиною с пятачок,
Седой, но рыжей краской крашен.
Лба не было, и чем-то страшен

---

¹ *Двадцатая верста* — подмосковная станция Белорусско-Балтийской железной дороги, ныне — станция Баковка Московской железной дороги.

Был осторожный, будто вор,
Хозяйки ящеричий взор.
Со всею желтизной своею
Лицо переходило в шею
И, чуть расширившись в плечах,
Как вдоль по грифу, второях
Внезапно раздавалось тело
И доходило до предела
Своих возможностей. Она
Была смертельно влюблена
В соседа моего — из класса
Вокального — красавца баса.

2.

Ах, Шуберт, Шуберт! Твой «Двойник»¹
В раструб души его проник,
И рокотал, и сердце ранил,
И душу страстную тиранил.
Хозяйка бедная всю ночь
Глядит на дверь певца — точь-в-точь
Злосчастный евнух, страж гарема,
Стоит и всхлипывает немо,
Сжимает кулаками грудь,
И только в горле бьется ртуть.

Я что ни день твердил соседям:
— Друзья, давайте переедем.

---

¹ «Двойник» — песня Ф. Шуберта на слова Г. Гейце.

² *Чезаре Ломброзо* (1836—1909) — итальянский психиатр, антрополог и криминалист, основатель антропологической школы в науке уголовного права. Его работу «Преступный человек» (1876) в переводе на русский язык читал персонаж поэмы, от лица которого ведется повествование.

Не соблазняйте малых сих
Пыланием сердец своих. —
А бас и хрупкое сопрано
В ответ со своего дивана
Хохочут так, что спасу нет,
Кричат:
— Да ну тебя, сосед!

3

Однажды, синий от мороза,
Я брел со станции домой.
Добрел, и тут же за Ломброзо²,
Сижую, читаю...
Боже мой!
Свечи мигающее пламя
Ужасный образ создает:
С его нечистыми глазами,
С его петлистыми ушами,
Как в гробовой сосновой раме,
В дверях Преступный Тип встает.
— Налоги за истекший год
И за дрова внести мне надо.
Я получить была бы рада
Не то чтоб за февраль вперед —
Хоть за январь мне заплатите,
Коль нежелательных событий
И впрямь хотите избежать.
Итак, я жду. С вас двадцать пять.

О, эта жизненная проза
И уши — две печати зла!
Антропология Ломброзо
Вдруг подтверждение нашла.
Хозяйка хлопнула дверями

И — прочь! Колеблемое пламя
Слетело с фитиля свечи,
Свеча погасла, и завыло
Все окаянное, что жило
Внутри нетопленной печи —
Те упыри, те палачи,
Что где-то там в ночи унылой
Терзают с неизбывной силой
Преступных Типов за могилой.
А за окошком тоже выло:
Плясала по снегу метель,
Ее дурманил снежный хмель,
Она плясала без рубашки,
Бесстыже выгибая ляжки,
Снежинки из ее баклажки,
Как сторублевые бумажки,
Метались, клювами стуча
В стекло.

Где спички? Где свеча?

4

Я — к двери баса и сопрано.
Казалось мне, что я кричу,
А я едва-едва шепчу:
— Кто у меня задул свечу?
Кто спички выкрал из кармана?
Кто комнаты сдает внаем,
А в комнатах температура
Плюс пять? Преступная Натура
Нарочно выстудила дом:
Ангина хватит, а потом
Прости-прощай колоратура.
Все — Балалайка! У нее

В буфете между чайных ложек
Отточенное лезвие
Захоронил сапожный ножик.
Она им режет кур. Она
В уме совсем повреждена.
В ее глазах горит угроза
Убийства. От ее ушей
Злодейством тянет. Сам Ломброзо
Ушей петлистей и страшней
Вовек не видел. Бойтесь мести!
На почве зла рождается зло.
Бежим! Бежим! Я с вами вместе!
Увязывайте барахло!
Тут я упал в передней на пол.
Не знаю, сколько я лежал,
Как долго пес лицо мне лапал
И губы языком лизал.
Меня в постель перетащили.
Хинином душу мне глушили,
Гасили снегом жар во лбу,
А я лежал как труп в гробу.

Моя болезнь гнилой горячкой
Слыла тому сто лет назад.
Стояла смерть в углу за печкой,
И ведьмы обложили сад,
И черти по стене скользили,
Усевшись на свои хвосты,
И с непомерной высоты
К постели жмурики сходили:
— Погибли мы и ты погиб!
Угробит всех Преступный Тип!

Зима прошла. Весною ранней
 Очнулся я — один, один,
 Без помощи, в сплошном тумане,
 В дурмане, без гроша в кармане...
 За стенкой — тихо на диване,
 И всюду тихо. Из глубин
 Души нахлынув, слезы льются...

Дверь настезь! Вижу донце блюда
 И руку. Слышу:

— Гражданин!
 Возьмите огурец соленый! —
 И блюде брякнулось на стул,
 И все затихло. Пораженный
 Явленьем жизни возрожденной,
 Не выплакавшись, я заснул.

Соседка с мужем возвратилась
 Домой, когда уже в окне
 Луна сквозь облачко светилась.
 И что она сказала мне?
 — Какая радость! Ваша милость.
 Для новой жизни пробудилась!
 Ура, ура! Мы с муженьком
 Сейчас напоим вас чайком.
 Весна была, как Боттичелли,
 И лиловата, и смутна.
 Ее глаза в мои глядели
 Из приоткрытого окна,
 Ополоумев, птицы пели,
 Из сада муравьи ползли.
 Так снизошло к моей постели
 Благословение земли.

Настал июнь, мой лучший месяц:
 Я позабыл угарный чад
 Своих январских куролесниц,
 Метелей и ломброзиад.
 Жизнь повернуло на поправку:
 Я сам ходил за хлебом в лавку,
 На постном масле по утрам
 Яичницу я жарил сам,
 Сам сыпал чай по горсти в кружку
 И сам себе добыл подружку.
 Есть в птичьей горлышке вода,
 В стрекозьем крылышке — слюда, —
 В ней от июня было что-то,
 И после гласных иногда
 В ее словах звучала «йота»:
 — Собайка.

Хлеб.

Цветы.

Звезда.

Звучит — и пусть! Мне что за дело!
 Хоть десять йот! Зато в косе
 То солнце ярко золотело,
 То вспыхивали звезды все.
 Ее душа по-птичьи пела
 И в струнку вытянулось тело,
 Когда, на цыпочки привстав,
 Она вселенной завладела
 И утвердила свой устав:
 — Ты мой, а я твоя. —

И в этом

Была основа всех основ,
 Глубокий смысл июньских снов.
 Петrarке и другим поэтам
 Понятный испокон веков.

Мы дружно пили чай квартетом,
Боялись выйти со двора
И в доме прятались: тем летом
Стояла дикая жара.
Хрустела глина в переулке,
Свернулась жухлая листва,
В канавах вымерла трава,
А в небо так забили втулки,
Что нам из влажных недр его
Не доставалось ничего.
Злой, весь в дыму, стоял над миром,
И был похож окрестный мир
На рыбу, прышущую жиром,
В кипящий свергнутую жир.
Но зною мы не поддавались,
Водю с милой обдавались,
И пили чай, и целовались.
(Мы, и целуясь, пили чай
Полуодетые). И это
Был островок в пожаре лета,
И это было — сущий рай.

Но, занятые чаепитьем,
Мы, у соседей за столом,
Потрясены одним событьем
Однажды были вчетвером.
Вошла хозяйка. Страшным взглядом,
Как Вий, окинула певца.
Глаза, впечатанные рядом
В пергамент желтого лица,
Горели отраженным адом,
И нож сверкал в руке. Она
Была почти обнажена.
Не скрыв и половины тела,
Хламида на плече висела,

Распущен был седой пучок,
Пот по увядшей коже тѣк.
Она воскликнула:

— Зачем он

В мой дом проник с женой своей?
Оставь, оставь ее, мой Демон!
А ты сокройся от очей,
Змея, чернявка, сербиянка,
Цыганка, ведьма, персиянка,
И подходить к нему не смей!
Что сделал ты со мной, злодей?
Кто я теперь? Двойник, воспетый
Тобой самим в проклятый день!
Меня казнят — и пусть! За Летою
С тобой моя пребудет тень.
Умри ж! —

На стул хозяйка села,
И нож сапожный уронила,
И в сторону сползла со стула,
И на пол замертво упала.
Тогда с лицом бледнее мела,
Дрожа от ужаса, певец
Вскочил и крикнул:

— Я подлец!

Она моей любви хотела,
А я плевал на это дело,
И вот теперь она мертва! —
А милая моя сидела,
Она ничуть не побледнела,
Чай допила, калач доела
И молвила:

— Она жива.

Вскричал певец. —

— Что делать будем? —

Как я теперь — источник зла —
Посмею показаться людям?!

Моя подружка изрекла:
— Давайте купим ей щегла!

9

Дождь грянул наконец. Он длился,
Как птичья песнь. Он так плясал
И так старался, так резвился
Что мир окрест преобразился
И засверкал, как бальный зал.
Гром, как державинская ода,
По крыше ямбом грохотал;
В поселке ожила природа,
С омытых листьев пыль стекла,
И блеск хрустального стекла
Приобрели углы и грани
Прекраснейшего из числа
Неисчислимых мирозданий.
Ушли Стрелки-Громовики,
Дождь перестал. Переходили
Потоки вброд и воду пили
В кустах смородинных жуки,
И без мучительных усилий
Росли грибы-дождевики.

Хозяйка наша в это время
Сидела в комнате своей.
Ее не тяготило бремя
Былых томительных ночей
И дней безрадостных. На темя
И стан ее, согнав печаль,
Слетела розовая шаль

Спокойствия и упований,
Хозяйке неизвестных ране.
И что теперь ей до того,
Кто спит с женою на диване,
Не видя больше никого?
Она не держит на заметке —
Ушел певец или пришел, —
Повержен ревности престол:
Перед лицом хозяйки в клетке
Поет и прыгает щегол!
Он для нее слагает стансы,
С утра впадает в забытье,
И в забытии поет романсы,
Танцует танцы для нее.
Щегол хорош, как шелк турецкий!
Чуть он прищелкнет:

— Цо-цо-цо! —

Заулыбается по-детски
Порозовевшее лицо.
Прищелкнув, засвистит, как флейта:
— Фью-фью! —

И глянет: каково?

Что басовитый голос чей-то
В сравненье с дискантом его?
Чушь, чушь!

А в комнате порядок,
Блестит зеркальным огоньком
Комод с фарфоровым котом,
Натерты крышки всех укладок
Полировальным порошком;
Кругом крахмал и ни пылинки,
А что за платье в будний день!
А розочки на пелеринке —
Как было вышивать не лень!

Ах ты, щегол, колдун, волшебник,
Носитель непонятных сил!
Какому ты — живой учебник —
Хозяйку счастьем научил!
С тобою белый день белее,
А ночью белого белей
Свободно плещут крылья феи
В блаженной комнате моей.

СОДЕРЖАНИЕ

Александра Истогина. Путем стиха, путем любви . . . 3

ПЕРЕВОДЫ

Саят-Нова

«Косы твои — рейхан в росе — нежней дорогих шелков...»	15
«Я ждал, я пролил столько слез...»	16
«Какую ты преследовала цель...»	17
«Весть пришла от джан прелестной:» Ни приветом, говорит...»	17
«С поникшей головой, в цепях...»	18

Ованес Туманян

Ничто не вечно на земле (Старинное предание)	19
Лорнец Сако	22

Егише Чаренц

Скитальцы на Млечном Пути	29
«Я затосковал, больной и безумный...»	30
«И для меня прервется путь земной...»	31
Бессонница	31
«Я хочу, чтоб зурна мне пела...»	32
Вечер прощанья	32

Газелла	33
Газелла моей матери	34
«Сколько в сердце ни скрыто тепла и огня...»	35
«Я — пьяный духанщик. А где духан?..»	35
Бейты	36
«Весна приходит, и опять цветет шиповник...»	37
«Ты видела сотни сотен ран — увидишь опять...»	37
Ереван	38
Памяти архитектора Александра Таманяна	41
Из страны Наири (Отрывок)	42
Памяти Ваана Терьяна	44
Гюмри	45
«Темнеет — и в сердце мое проникает тоска...»	47
«Вот осень желтая уселась на пороге...»	48
Собачья тоска	48
В ужасе перед падением	49
Волшебство в парикмахерской	51
Лето	52
Без заглавия	53
Из цикла «Восьмистишия солнцу»	
«Как бедра женщины, рожденной...»	54
«Звенят подковы золотые...»	54
«Прекрасное горит, сжигая...»	54
Триолет...	55
«Сегодня ли тебя найдет судьба...»	55
Рубайят	
«Ты есть, ты дышишь, ты живешь: промчится	
миг — и ты другой...»	56
«Смотри: перед тобой река, она течет и течет...»	56
«В парадную входили дверь — и раем считали	
дом...»	56
«Твой разум был туман сплошной, теперь ты	
стал мудрецом...»	56
Дистихи	57
Памятник	59

Витрина дней и событий	59
25—26 октября 1917 (Фрагмент)	60
Моя утренняя звезда	65

Ованес Шираз

Сиаманто и Хаджезарэ (Поэма)	66
--	----

Амо Сагиян

Синяя песня	102
«Темнеют горы на горах...»	102
Осень в горах	103
На дальнем берегу	103
«Твоими глазами, твоими глазами...»	104
Так жить	104
«Радуга животрепещущая...»	105
Орвел	105
«Пойду затеряюсь в листве неживой...»	106

СТИХИ

Книга травы	109
К стихам	110
«Я учился траве, раскрывая тетрадь...»	110
Степь	111
Дерево Жанны	112
Рифма	114
Ночной дождь	115
Звездный каталог	115
«Я боюсь, что слишком поздно...»	116
«Ты, что бабочкой черной и белой...»	117
«С утра я тебя дождался вчера...»	118
Первые свидания	118
«Снова я на чужом языке...»	119

«Вечерний, сизокрылый...»	120
«Кем налит был стакан до половины...»	121
«Сирени вы, сирени...»	121
Шиповник	122
«Бабочки хохочут, как безумные...»	123
«Когда купальщица с тяжелою косой...»	123
Колыбель	124
Дождь	125
«Душу, вспыхнувшую на лету...»	125
«Да не коснутся тьма и тлен...»	126
Ялик	127
«Был домик в три оконца...»	127
Мёд	128
«Тогда еще не воевали с Германией...»	129
«Еще в ушах стоит и гром и звон...»	130
Затмение солнца, 1914	131
Жили-были	132
«Я в детстве заболел...»	134
Стихи из детской тетради	135
Вещи	136
Руки	137
Словарь	138

Степная дудка

1. «Жили, воевали, голодали...»	139
2. «На каждый звук есть эхо на земле...»	139
3. «Где вьюгу на латынь...»	140
4. «Земля неплодородная, степная...»	140
«Я вспомнил далекие годы...»	141
Земное	142
Посредине мира	142
Близость войны	143
Суббота, 21 июня	143
«Тебе не наскучило каждому сниться...»	144

Проводы	145
«Чего ты не делала только...»	146
«Хорошо мне в теплушке...»	148
«Вы нашей земли не считаете раем...»	149
Полевой госпиталь	149
Полька	150
Иванова ива	151
«Здесь дом стоял. Жил в нем какой-то дед...»	151
«Мы шли босые, злые...»	152
«Я не был убит на войне...»	152
«Ученик зеленой травы...»	153

После войны

1. «Как дерево поверх лесной травы...»	154
2. «Меня хватило бы на все живое...»	154
3. «Бывает, в летнюю жару лежишь...»	155
4. «Как дерево с подмытого обрывает...»	155
5. «Приди, возьми, мне ничего не надо...»	155
Зуммер	157
Предупреждение	158
В дороге	158
«Где целовали степь курганы...»	159
Анжело Секки	161
«Пускай меня простит Винсент Ван Гог...»	162
Комитас	162
Пауль Клее	163
Стань самим собой	165
Памяти друзей	166
Стирка белья	167
«Друзья, правдолюбцы, хозяева...»	168
«Я слышу, я не сплю, зовешь меня, Марина...»	169
Как двадцать два года тому назад	169
Через двадцать два года	170
Поэт	171

Памяти А. А. Ахматовой

«Стелил я снежную постель...»	173
«Когда у Николы Морского...»	173
«Домой, домой, домой...»	174
«По льду, по снегу, по жасмину...»	175
«И эту тень я проводил в дорогу...»	175
«Невысокие, сырые...»	177
«С безымянного пальца кольцо...»	178
Мартовский снег	179
Оливы	179
«Стол накрыт на шестерых...»	180

Пушкинские эпитафии

1. «Почему, скажи, сестрица...»	181
2. «Как тот Кавказский Пленник в яме...»	183
3. «Разобрал головоломку...»	184
4. «В магазине меня обсчитали...»	185
Эребуни	186
Кбра	186
Кактус	187
Верблюд	188
Портрет	189
Ардон	189
Карловы Вары	191
Цейский ледник	191
Балет	192
«Из просеки, лунным стеклом...»	193

Кузнечики

1. «Тикают ходики, ветер горячий...»	194
2. «Кузнечик на лугу стрекочет...»	194
Лазурный луч	195

Русалка	197
Новоселье	198
Эвридика	200
Мщение Ахилла	201
«Пляшет перед звездами звезда...»	202
Дом напротив	203
«Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был...»	204
Дума	205
Поздняя зрелость	206
Песня	207
«Мне другие мерещатся тени...»	207
«Меркнет зрение — сила моя...»	208
«Вот и лето прошло...»	209
«Какие скорбные просторы...»	210
«В последний месяц осени...»	211
«Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев...»	212

Жизнь, жизнь

1. «Предчувствиям не верю и примет...»	212
2. «Живите в доме — и не рухнет дом...»	213
3. «Я век себе по росту подбирал...»	213
«И это снилось мне, и это снится мне...»	214
Чудо со щеглом (Поселковая повесть)	214

ISBN 5—550—00114—4

Литературно-художественное издание

Арсений Александрович Тарковский

ЗВЕЗДЫ НАД АРАГАЦЕМ

Переводы и стихи

Заведующий редакцией *Г. Атрын*

Редактор *Ж. Шахназарян*

Художник *Дж. Гаспарян*

Художественный редактор *О. Малхасян*

Технический редактор *В. Авакян*

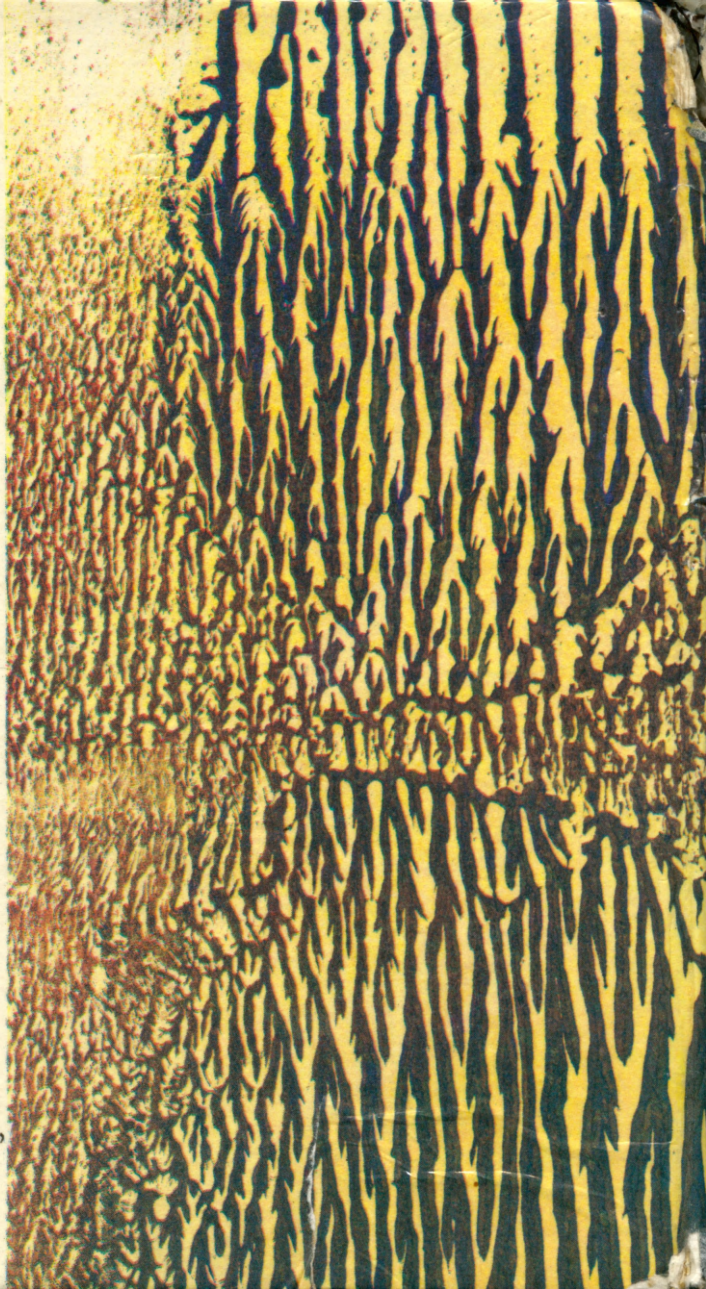
Контрольный корректор *И. Егиазарова*

ИБ № 6261

Сдано в набор 3. 12. 87. Подписано к печати 01.11.88. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. 10,22 усл. печ. л., 10,47 усл. кр. отт., 8,95 уч.-изд. л. + 1 вкл. Тираж 5000. Заказ 7489. Цена 1 р. 10 коп.

Издательство «Советакан грох», Ереван-9, ул. Терьяна, 91.
Типография цветной печати Госкомитета Арм. ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ереван-82, пр. Адмирала Исакова, 48.

1 р. 10 коп.,

«Советакан грох»